

СОФЯ МАРЕЧЬ

Доктора
вызывали?

Соня Марей

**Доктора вызывали?, или
Трудовые будни попаданки**

«Автор»

2023

Марей С.

Доктора вызывали?, или Трудовые будни попаданки / С. Марей —
«Автор», 2023

Не думала, что однажды проснусь в чужом мире на собственных... похоронах. Некогда удивляться, надо уносить ноги! Как вернуться домой, подумаю после, а пока надо просто выжить и не наломать дров. Благо, педиатры везде нужны. А если есть голова на плечах – все не так страшно. Построю медицинскую карьеру, спасу детей, перевоспитаю вороватого кота-фамильяра и обязательно найду свое счастье!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	65
Глава 13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Соня Марей

Доктора вызывали?, или Трудовые будни попаданки

Глава 1

Я витала где-то на границе яви и сна. Не могла пошевелить и пальцем, пить хотелось ужасно. Поверхность под спиной была жесткой, как доска, тело окаменело, даже дышать было тяжело. Я чувствовала себя ожиревшим морским котиком или жуком, которого положили на спину, и теперь он изо всех сил старается перевернуться.

С трудом, но мне удалось сесть. Сразу потянулась, похрустела шеей – какое блаженство! Хорошенько проморгавшись, я осмотрелась. Потрясение от увиденного развеяло остатки сна. Вот тебе и «доброе утро»!

Где это я? Почему спала на столе? Что еще за шуточки?

Низкий деревянный потолок нависает над головой. В окно, занавешенное выдавшими виды шторами, пробивается тусклый свет. Пол устлан соломой, на табурете у стены глиняный кувшин, тарелка с хлебом, сыром и яблоками. На столе, где я продолжала восседать, лежали пожухлые цветы с белыми лепестками.

Медленно подняла руки, внимательно осмотрела их. Странные какие-то, словно не мои. Да и сама я в белом бесформенном платье. Такое чувство, будто оказалась в стилизованном под Средневековые деревенском доме. Не понимаю, сон продолжается?

Я соскочила на пол. Негромко звякнули монеты в подвешенном к поясу тканевом мешочке. Модный кошель, однако. Осторожно обошла комнатку, подмечая и свечи, и странные деревянные фигурки, опять же – цветы. Много цветов. Здесь будто к ритуалу готовились.

Стало жутко, по коже затаптывали мурашки, и я зябко повела плечами. Все выглядит так, словно меня собираются... хоронить. Конечно, я уже давно мечтаю как следует выспаться, но для сна вечного пока рановато. Жизнь иногда неправильно трактует наши желания.

Ладно. Может, тогда перекусить? На сытый желудок и думается легче. На цыпочках я подкралась к табуретке и отщипнула кусок хлеба. Понюхала – пахнет сладко. Потом отправила в рот сыр и закусила яблоком.

Как мало порой человеку надо для счастья! Всего лишь выспаться и утолить голод. Я продолжила беззастенчиво уплетать угощение, думая о том, что как-то все странно: обычно во сне не чувствуешь вкусов и запахов.

Кругом стояла подозрительная тишина, но постепенно слух начал улавливать приглушенные женские голоса. Я замерла и перестала жевать.

– Жалко! Как жалко беднячку Аннис! – несло из-за двери.

– Ой, не говори, соседка! Молодая была совсем, – лились причитания.

Голоса все приближались, становились громче и отчетливей.

– А умница-то какая, всегда поможет...

– На все воля богов, соседка. Чего теперь горевать... Померла так померла наша дорогая Аннис.

Я икнула и зажала рот рукой. Кто помер? Это они о ком? Не обо мне ли часом? Но меня зовут Анна, никак не Аннис.

Послышался скрежет в замочной скважине, дверь распахнулась, и на пороге возникла грузная фигура в коричневом платье с передником. Женщина в годах занесла ногу и хотела

переступить порог, но подняла взгляд и застыла. Рот приоткрылся в немом «О», брови взмыли на лоб, глаза округлились...

– Эй, чего там? Чего не заходишь?

Вторая тетка с длинным тонким носом выглянула из-за плеча подруги и сдавленно пискнула. Мы так и замерли. Тетушки – с выражением полнейшего ужаса и потрясения на лицах, я – с набитым ртом и булкой в руках.

– Ждравштуйте... – произнесла, старательно пережевывая и глотая вставший поперек горла кусок. – Спасибо за угощение.

– Батюшки! – грузная мадам картинно схватилась за сердце и сползла на пол.

Ее соседка несколько секунд хлопала глазами, потом решила, что в данной ситуации надо кричать. Да погромче.

– Ааа!

Я потеряла ухо и поморщилась, но та все не унималась. Визжала с переливами, будто артистка на сцене.

– Спокойно, я не умерла. Все нормально, – я выставила руки ладонями вперед и сделала осторожный шаг. – Не кричите, пожалуйста. И так голова раскалывается.

Визг стих, женщина закашлялась. Тут в себя пришла обморочная и, пытаясь ослабить воротник платья, запричитала:

– Да что такое делается-то? Происки Темнейшего... злая сила... Ой, батюшки... Беги, соседка, скажи мужикам, что покойница встала. Надо сердце проткнуть прутком серебряным, а тело предать огню скорее!

И тут я испугалась. Проткнуть сердце? Сжечь? Извините, но даже во сне не очень приятно умирать подобным способом. Только кого это волнует? Выслушав наставления, соседка подхватила юбку и дала стрекача.

– Не тронь меня, мертвечиха! Изыди! – продолжала голосить тетка, выползая за дверь и совсем не слушая моих заверений, что я, вообще-то, живее всех живых.

Ноги и руки ее дрожали, одутловатое тело напоминало трясущийся холодец. Каким-то чудом ей удалось выбраться на улицу и скрыться.

Дверь захлопнулась, я снова осталась одна. Сердце колотилось ненормально часто, ладони вспотели. Ух, кто кого еще напугал! Ввалились тут, ерунду какую-то плести начали, угрожать. Нет, мне решительно не нравится такой сон.

Когда мне снился кошмар, я старалась спрыгнуть с высоты, ударить или ущипнуть себя побольнее, приказывала себе открыть глаза. Но сейчас эти методы не помогали. Чертовщина какая-то! Вскоре бесполезное занятие надоело, и я решительно шагнула к двери. Может, покинув это странное местечко, я окажусь прямо у себя в спальне? В собственной постели?

На улице слышался отдаленный гул. Я приоткрыла дверь и высунула голову. Вечерний сумрак разгоняли рыжие вспышки, ветер доносил людские голоса.

Они что, серьезно?

Я отпрянула и зайцем метнулась к окну. Как хотите, а я бежать! Ну его, это Средневековье с его веселыми забавами. Проворно влезла на подоконник, толкнула ставни и была такова.

Улица тонула в ароматах сирени и скошенной травы, я нырнула в приятную прохладу. Надеюсь, пропажу обнаружат не сразу, и у меня есть хотя бы пять-десять минут форы. Не хочется оказаться на вилах у добрых соседей.

Благо, под деревьями висел густой сумрак. Я бежала по заросшему саду, пригнувшись, как какой-то шпион. Потом по грядкам, спотыкаясь в потемках то ли о дыни, то ли о тыквы. Побегу липли к подолу чересчур заметного белого платья, заставляя ругаться сквозь зубы.

Как и следовало ожидать, невезение сегодня было на моей стороне. Со всего маху я зацепилась ногой обо что-то крупное и под аккомпанемент испуганного, прямо-таки животного вопля, упала лицом в траву. Душа ушла в пятки, дыхание перехватило, но тут неизвестное

чудовище обиженно мекнуло. Коза дернула от меня со всех ног, прыгая так, что любой олимпиец обзавидовался бы.

– Тьфу на тебя! – шикнула и поползла прочь, к забору.

Мне мерещилась погоня и крики, вдали сверкали огни. Похоже, мое «воскрешение» всполошило всю деревню. Надеюсь, они не догадаются пустить по следу собак? Вот это точно будет плохо.

Только луна была свидетельницей, когда я, проскакивая через чей-то двор, стащила с бельевой веревки платье и быстро натянула на себя. Да простит меня хозяйка! Оно оказалось длинным и широким в талии, зато полностью скрывало похоронные одежды.

– Кто там шастает?! Сейчас собаку спущу!

Из окна высунулась всклокоченная голова, я замерла, прячась за колодцем. В тот же миг визгливо залаяла мелкая собачонка и рванулась на цепи в мою сторону. Конечно, это не волкодав, но такие злые мелкие псинки кусаются с не меньшим удовольствием.

Больше не теряя времени, я побежала, путаясь в подоле. Чуть не снесла в темноте калитку, но выбралась на дорогу. Хорошо, что этот двор был крайним, а дальше простиралось широкое поле, за которым маячила громада леса.

С ума сойти! Мчусь, сама не зная куда. Но инстинкт настойчиво гнал вперед, поэтому я не сбавляла хода. На ум приходили сюжеты из фильмов, когда героям точно так же приходилось убегать от преследователей. Они с честью выдерживали все испытания, но я-то не героиня, я – скромный педиатр из детской поликлиники! Такие потрясения мне ни к чему.

На пшеничное поле хорошо только смотреть издали, а вот продираться сквозь него – занятие не из приятных. Я утонула в нем по шею, колосья царапались, все время казалось, что сейчас ужогу в яму, или меня укусит какая-нибудь ядовитая гадость. Обувь была неудобной, стопы быстро заныли. От тонкого полумесяца и нескольких блеклых звезд толку было мало. Но это, наверное, к лучшему.

Не оборачиваясь, я шла и шла. Минуло не меньше часа, а то и двух. По привычке я полезла в карман за телефоном, но нащупала лишь мешочек под платьем. Интересно, зачем он нужен, если добрые соседи собирались меня хоронить? Наверное, это какой-то обычай. Некоторые народы клали покойникам деньги, чтобы те могли ими расплачиваться на том свете.

И все же... бред получается. Происходящее не укладывается в голове, надеюсь, что это дурной сон!

Идти дальше я не могла. Падая с ног от усталости, я свернулась калачиком под раскидистым кустом и положила под голову руку. Как будто насмехаясь, вверху мигал полумесяц. От быстрого бега и пережитого испуга тело била дрожь, потные спутанные волосы щекотали шею и лезли в лицо. Надеюсь, что кошмар с рассветом закончится, и я проснусь уже в своей постели.

Ага, размечталась!

Я поняла, что нахожусь на том же месте, еще до того, как открыла глаза. И это не на шутку испугало. Либо я слишком сильно увязла в дурацком сне, либо впала в кому, либо...

Ох, нет. Об этом даже думать глупо, это самый невероятный вариант!

Но все вокруг слишком ярко, реалистично, а время бежит плавно, как и в жизни. Я чувствую все запахи, слышу звуки окружающего мира, а когда облизываю губы, ощущаю солоноватый привкус.

Я села, откинула за спину волосы и протерла глаза. Сейчас, при свете дня, поле не казалось таким уж страшным, как ночью. Стояла тишина, только шелестели колосья, да заливалась какая-то птичка. Пахло зелению и немного пылью.

Может, я просто напилась, сама не помня как, купила билет и уехала в глухую деревушку? Но даже в таком случае вряд ли в наше время сохранились настолько странные обычаи и вера в восставших мертвецов.

А если меня похитили?

Или я сошла с ума? Покаталась на машине времени и попала в прошлое? И главное – что теперь делать?

Ужас какой, сплошные вопросы без ответов. Но если так и буду сидеть на месте, ничего не изменится, никто меня не спасет и не подскажет, как быть. А значит, надо вставать и идти.

Глава 2

Спустя какое-то время я вышла к дороге. По правую руку тянулся лес, дул освежающий ветерок, а бодрость духа постепенно возвращалась. Если подумать, все не так плохо. Солнышко светит, птички поют. Ходьба полезна для здоровья, движение – это жизнь. Только что-то в боку ноет... и обувь неудобная... и голову припекает. Но можно представить, что я просто прогуливаюсь. Да-да, гуляю и дышу свежим воздухом, и плевать на то, что недавно какие-то люди хотели предать меня огню и прочим извращениям.

Но обмануть себя не так просто, поэтому вскоре тревожные мысли вернулись. Я смотрела на свою одежду и понимала, что такое уже давно не носят, подобные платья и обувь я видела только в фильмах. Окружающий мир был похож на мой привычный, но что-то все равно отличалось, например, некоторые деревья и травы были незнакомы. Встретить бы еще мирных и доброжелательных местных, чтобы ненавязчиво выяснить, куда меня занесло.

И вот, как по заказу, за спиной раздался конский топот. По дороге, скрипя и раскачиваясь, ползла... карета. Самая настоящая, деревянная. Не галлюцинация, не бред. На облучке сидел кучер – пожилой мужичок с бородой, сбоку от него – крепкий детина самого сурового вида. Из окон высовывались головы скупающих пассажиров. Были люди и на крыше. Ну просто двухэтажный автобус, смотрите-ка!

Кажется, я действительно угодила куда-то не туда, ведь подобный транспорт именовался дилижансом и вышел из употребления столетия полтора назад. Все это пугало, но с другой стороны – появилась хоть какая-то определенность. Лучше попасть в прошлое, чем в какое-нибудь фэнтези. Нет-нет, фэнтези с его магией, колдунами и прочими атрибутами мне не надо!

Я сошла на обочину от греха подальше, но по мере приближения транспорта моя решимость крепла. Не придумав ничего лучше, вытянула вперед руку. Дилижанс надсадно скрипнул и остановился.

– Эй, ты чего, потерялась? – спросил кучер, подозрительно оглядев меня с ног до головы.

Знаю, видок у меня еще тот. Надеюсь, я не похожа на разбойницу с большой дороги.

– Куда путь держите, господа?

Я не знала, как здесь положено обращаться к людям, поэтому решила говорить по минимуму.

Кучер с детиной переглянулись, а потом разразились дружным хохотом. Вторили им и пассажиры, а я чувствовала себя как Якин из известного фильма, пытавшийся говорить с государем на старославянском.

– Какие мы тебе господа? С ума сошла? Ладно, садись, блаженная. Довежу до Бродовой, – сказал кучер, утерев катящиеся по лицу слезы. – Э-э-э, куда пошла? С тебя два медных сорена.

Отлично! Просто замечательно! Я чувствовала, как меня сверлят любопытные, сочувствующие и насмешливые взгляды, пока пыталась дрожащими руками развязать мешочек с деньгами. Что еще за сорены такие? Не помню этой валюты, хоть убейте! Может, она ходила где-то в Европе?

Вытащив две монеты, протянула кучеру. Мужичок довольно крякнул и сунул их в сумку.

– Ты давай пошевеливайся, девка. Из-за тебя задерживаюсь.

Я втиснулась в чрево адской машины и усадила пятую точку между двумя усталыми женщинами. Дилижанс тронулся. На несколько секунд я закрыла глаза, пытаясь переварить происходящее. Но ядреные запахи, царящие внутри, не дали забыться.

– Хоть бы косы заплела, бесстыдница. Небось, из дому выгнали, – буркнула тетка напротив и демонстративно поджала губы.

Я не стала спорить, делать мне нечего! Если поймут, что я не отсюда, могут в местный дурдом отправить или что похуже. Нет уж, лучше не высовываться, я не камикадзе.

– Как тебя зовут? – с сочувственной улыбкой обратилась ко мне женщина лет сорока.
– Ан... нис, – я вспомнила имя, которым меня называли те дурные тетки.

Похоже на мое родное, только на местный лад. На самом деле меня зовут Анна Степановна Добролюбова, но никому об этом знать не нужно. Хорошо, что сама ещё помню, потому что в других вещах память меня подводит. С ужасом я поняла, что забыла события, предшествовавшие моему появлению здесь. Вроде отработала смену и пошла домой, а потом – сплошной туман в голове.

Хотелось верить, что если смогу что-то вспомнить, то пойму, как вернуться обратно.

Лавка была слишком жесткой, дилижанс нещадно трясло. И как раньше бедные люди путешествовали из города в город, проводя в пути несколько дней, а то и недель? Я родилась и все свои тридцать лет прожила в современном мире. Тем тяжелее мне будет здесь, но отчаиваться нельзя!

Мозг заработал с удвоенной скоростью, я вспоминала все, что знала о подобных случаях, ведь когда-то перечитала всю бабушкину библиотеку. А в студенческие годы покупала на книжных развалах отечественную и зарубежную фантастику. Можно и дальше убеждать себя, что все это мне снится, но факты говорят о другом. Чем скорее я это приму, тем лучше. Сейчас главное не ныть и не жалеть себя, а собрать волю в кулак. Выход обязательно найдется.

Я пыталась незаметно подглядывать за соседями по «купе», прислушивалась к их разговорам. Но уставшие пассажиры лениво перекидывались ничего не значащими фразами. А вот парень напротив не сводил с меня глаз и томно улыбался, сверкая щелью между передними зубами и приглаживая торчащие во все стороны рыжие вихры.

– Хочешь яблоко, красавица? – спросил он и протянул надкусанный фрукт.

Красавица?

Интересно, как я вообще выгляжу? Только сейчас задумалась над этим и снова взглянула на руки. Так и есть, ночью мне не померещилось, они действительно были не моими! Эти более загорелые, пальцы длиннее, и нет шрама на левой ладони.

Если моя душа каким-то образом переместилась, а тело осталось дома? И никто быстро не хватится, никто не позвонит, кроме заведующей, когда я не выйду на работу. Вот он плюс тотального одиночества – никому мое исчезновение не разобьет сердце и не доставит хлопот.

Похоже, парня обидело мое молчание, либо он окончательно убедился в слабоумии странной девицы. Зыркнул недовольно и принялся догрызать яблоко.

– Так зачем ты в столицу едешь? – спросила женщина по соседству другого пассажира, и я наострила уши.

Молодой мужчина лет двадцати пяти в простой серой рубаше и кожаном жилете любовно погладил выдавший виды портфель.

– Дома не зарабатываешь, а там можно найти место секретарем у какого-нибудь мага. Они платят хорошо.

Тетка фыркнула.

– Говорят, маги те еще жмоты.

Колеса снова заскрипели, не позволив дослушать занимательный диалог. Но и без того все стало ясно. Они говорят о магах, значит, это фэнтезийный мир, в котором я так не хотела оказаться! Ну за что мне это, а?

Я всегда считала авторов фэнтези творцами безумных, опасных, но иногда очень интересных миров. А как они издевались над героями? Какие испытания им подкидывали? Говорю же, я ни капельки не героиня, а очень даже осторожная особа. Верните меня обратно!

Казалось, мы ехали целую вечность, а пейзаж за окном практически не менялся. Наконец дилижанс остановился на въезде то ли в деревню, то ли в какой-то городок на берегу реки. Народ оживился, услышав объявление кучера об отдыхе и обеде. Все дружно хлынули в природный трактир, и я, чтобы не отрываться от коллектива, отправилась следом. Интересно,

на сколько хватит моих денег? Хоть с этим повезло, иначе я не смогла бы купить ни горячий фруктовый взвар, ни пышную булочку.

Видно, здесь часто останавливались путешественники, потому что были и комнаты отдыха, и столы под навесом во дворе. За воротами стояли еще два дилижанса, со всех сторон лился смех, а работницы разносили подносы с едой. Ребятишки бегали босиком и играли в только им понятные игры, дородная кухарка пыталась изловить курицу-несушку.

Я растерялась в суматохе. Столько людей, и все галдят.

Наскоро перекусив, вышла за ворота и побрела по дорожке вниз, к реке. Надо разведать обстановку и решить, продолжать путешествие или остаться? Мне казалось, что первое время продержаться в маленькой деревне проще, чем в большом городе.

На широком песчаном пляже женщины стирали белье, плескались дети, одинокий старик удил рыбу. Казалось бы, мирная картина...

Но в один миг что-то изменилось. Послышался крик, потом причитания, люди всполошились и хлынули к берегу. Я сама не заметила, как ноги понесли меня туда, куда бежали остальные. Женщины побросали белье, кто-то громко закричал: «Помогите!»

– Что произошло? – я коснулась плеча бледной девушки с покрасневшими глазами.

Она вздрогнула, шмыгнула носом и затараторила:

– Лик утонул! Только что вытащили. Пресветлая Матерь, какой ужас...

Меня как ледяной водой окатили. Дальше я не слушала, трясущимися руками растолкала здоровенных мужиков. На моих глазах один из них опустил на землю бесчувственное тело.

– Ах, горе-то какое! – заголосили бабки.

– Одно наказание!

– Все прочь отсюда!..

– Стойте, пропустите! – я бросилась вперед.

Неужели это мой голос? Такой громкий и решительный?

Рано они хоронят парнишку, рано... Может, еще можно спасти?

– Эй, ты кто такая? – меня попытались схватить за локоть, но я вырвалась.

– Не мешайте! Дайте мне!

И куда делось желание быть осторожной и не отвечивать? Какой бы из миров это ни был, даже фэнтези, дети есть дети. Медик я или нет? Нельзя оставаться в стороне, если можешь спасти чью-то жизнь – так я всегда считала.

Больше никто не пытался меня задержать. Я рухнула на колени возле мальчика и потянулась к нему.

Глава 3

Вода – это не только приятный отдых, ласковое море и горячее южное солнце. Это жесткая стихия, которая не прощает ошибок, и счет идет на секунды. Я вдруг вернулась на три года назад, когда, находясь в отпуске, реанимировала такого же ребенка в бассейне отеля.

– Тихо! – крикнула галдящим зевакам, чтобы не мешали.

Парнишке на вид было лет десять-двенадцать. Худой, синюшный, реакции ноль. Я разорвала его рубашку и наклонилась, пытаюсь уловить хотя бы слабый шум и тепло дыхания, наблюдая за грудной клеткой. Все-таки не дышит.

Зажав мальчишке нос, приступила к реанимации «рот-в-рот». Потом непрямой массаж сердца ладонью. Из рта маленького пациента потекла вода, покидая легкие.

– Что она делает? – поинтересовался кто-то.

Ответом ему была тишина. Народ наконец утомился и просто наблюдал. То ли в ступор впали, то ли действительно решили не мешать и дать мне шанс. А я чередовала циклы надавливаний и вдуваний воздуха, считая про себя и стараясь не сбиваться с ритма. Сосредоточилась на этих простых, но безумно важных движениях, надеясь, что малец пробыл под водой не слишком долго.

Помощь рекомендовали оказывать до прибытия скорой, но здесь и ждать нечего. Казалось, прошла целая вечность, у меня закружилась голова, когда вдруг парнишка шевельнул рукой и слабо закашлял. Я аккуратно перевернула его на бок и принялась стаскивать сырые вещи.

– Надо его согреть, скорей дайте что-нибудь!

Женщина в кружевном чепце, похожем на шляпу гриба, сорвала с плеч шерстяной платок и протянула мне. Я укутала кашляющего и стонущего мальчишку. Даже теперь, когда он пришел в себя и задышал, нельзя бросать его одного.

Вдруг раздался женский голос. Я подняла взгляд. Людей стало еще больше, меня окружали потрясенные, испуганные, взволнованные лица.

– Она вернула мальчика к жизни... – одна старушка ахнула и приложила ладони к груди.

– Магия жизни... – вторили ей.

Они верят в магию и ею все объясняют! Тут вперед вышел плюгавый мужичок. Сверля меня маленькими черными глазками, он ткнул в меня трясущимся пальцем и выдал:

– Некромансерша! Некромансерша поганая!

Что, простите? Я уставилась на него круглыми глазами и непонимающе заморгала.

– Да что ты несешь, старый?! – осадили его.

А тот и не думал униматься.

– Прислужница Темнейшего! Мальчик был мертвее всех мертвых, а она его оживила! Некромантия запрещена на наших землях! – завопил, переходя на визг.

По мужику плакало театральное училище. Такие эмоции, столько экспрессии, чуть пена изо рта не идет! Но его дурные крики возымели действие, понеслись вздохи:

«Некромансерша... некромансерша...»

Ну что за слово-то такое? Вахтершу знаю, кассиршу и генеральшу тоже. Так, а если он говорит про некромантов, которые мертвецов оживляют? Кажется, снова запахло жареным, и мне это решительно не понравилось. Это мало похоже на дождь из попаданческих плюшек, который обычно проливается на книжных героинь. Меня же преследуют только оплеухи.

– Свины неблагодарные! – тетушка в чепце воскликнула укоризненно. – Хватит бред нести, пойдите проспите! Девушка явно целитель, хорошее дело сделала, а вы... эх!

Вперед вышел представительный мужчина в сюртуке, поправил бороду.

– Думаю, надо позвать следователя, – сказал спокойно и рассудительно.

Не нравится мне эта идея, ох, не нравится. Мальчик снова зашелся кашлем, и я погладила его по плечу.

– Да отстаньте вы от девушки, остолопы! – поделившаяся платком женщина вновь встала на мою защиту. – А Лик-то живой, нормальный, оклемался поди уж.

– Лучше отвести ее в городское управление.

– А может, сразу того? – предложил скользкий тип, осматривая меня с головы до ног сощуренными глазенками.

– Никуда я с вами не пойду. Что вы еще придумали? Если вы не знаете о помощи при утоплении, то это не мои проблемы. И никакая я не некромансерша. Хватит уже обзывать честную женщину, я могу и обидеться!

Услышав про обиду, народ плавно отступил назад. Неужели и правда приняли за ведьму или некромантку? Подтверждая мою мысль, мужик сказал остальным:

– Осторожно! Вдруг проклянет?

– Ага, с этими магами надо держать ухо востро!

Если тебя подозревают в чем-то плохом, лучше всего прикинуться валенком.

– Какое проклятье, сударь? – я округлила глаза. – Первый раз слышу о таком! И вообще, этому бедному парнишке нужна помощь, будьте добры, отнесите его в спокойное безопасное место. Я пробуду с ним до тех пор, пока не пойму, что его жизни ничто больше не угрожает. А потом мы с вами и поговорим.

Я помогла мальчику сесть и подала кружку горячего молока.

– Тебя ведь Лик зовут?

– Ликерис, но все меня называют Ликом. Говорят, имя слишком сложное для простолюдина, – и фыркнул, а потом сделал осторожный глоток.

Он согрелся и довольно быстро отошел от потрясения, даже улыбаться стал. Как я и думала, ему было двенадцать лет, но за счет худобы Лик выглядел немного младше. У него были большие карие глаза с пушистыми ресницами, на носу и щеках красовались озорные веснушки. На первый взгляд такой одуванчик, но что-то мне подсказывало, что он еще может задать жару.

Нас приютила та тетушка с берега, не побоялась слов сумасшедшего деда. Пока мы шли к дому, он все кричал и настраивал против нас местных, мол, не только меня надо проверить, но и Лика, ведь он восстал из мертвых. С точки зрения современного человека это полный бред, но что взять с людей, которые привыкли опасаться всего неизведанного? Тем более мир магический, чего здесь только не встретишь.

Мой дилижанс давно укатил, но я не могла бросить мальчика. Да и не пустили бы меня никуда из Бродовой: в соседний город послали человека за следователем. Я старалась не паниковать раньше времени, была уверена в своей невиновности. Если что, выход придумаю.

Я присела на кровать возле Лика и потрепала непослушную каштановую шевелюру.

– Слушай, как так вышло? Ты не знал, что игры в воде могут быть опасны?

Он пожал плечами и бросил небрежно:

– И что? Понять просто хотел.

Хотел он. Какая чудесная непосредственность.

– Как это «и что?» Ты мог погибнуть!

И тут Лик глянул так серьезно, по-взрослому, что у меня сжалось сердце.

– Никто бы горевать не стал.

От Лайны я узнала, что мальчик сирота. Он жил с дядей и тетей, поэтому никто за ним толком не следил. Дядя вообще был тем еще тираном, Лику за общие шалости доставалось сильнее других детей, а вот работать заставляли больше.

Я протянула руку и сжала его ладонь.

– Но у тебя есть ты.

Лик отставил кружку в сторону, вздохнул и почесал щеку обгрызенными ногтями.

– Я не знаю, как вас зовут, но помолюсь за вас Пресветлой Матери.

– Называй меня Аннис.

– Красивое имя. Аннис... – парнишка произнес его несколько раз. – На цветок похоже.

А можно... вас обнять? Ой, ладно, я пошутил.

Он смутился и опустил глаза, которые уже были на мокром месте. Но я все же привлекла его к себе и обняла так, как если бы он был моим младшим братом. Ему явно не хватало понимания и тепла, и мне стало его жаль. Я повидала много бесхозных детей.

В этот момент зашла Лайна. Ее руки, как и левая щека, были испачканы в муке. Следом проскользнул откромленный черный котяра и со всего размаху плюхнулся на кровать. Лик засмеялся и потеревил пушистый загривок.

Лайна сказала добродушно:

– Ну что, пострел, живой? Повезло тебе, что мимо проходила эта добрая девочка. И как быстро-то сообразила, что тебя можно с того света вернуть.

– Я не возвращала его с того света.

Женщина отмахнулась.

– Ладно-ладно, верю. Только в деревне уже вовсю судачат, что ты магией жизни владеешь. Другие орут, что тебя сам Темнейший подослал, неромансершей называют. Так что на улицу пока не высывайся, мало ли что этим дуракам в голову взбредет.

Я скосила взгляд в сторону окна, ожидая увидеть воинственную толпу с вилами наперевес.

– Да не бойся, сюда они не зайдут. Пошли лучше пироги есть, заодно и расскажешь, как попала в нашу деревню.

Я была тронута простотой и радушием Лайны, но откровенничать не спешила. Чтобы не выдать себя с потрохами, отговорила тем, что ушла из дома в поисках работы.

– А спасать утонувших меня... дедушка научил, – врать было стыдно, но голос звучал убедительно. – Он был лекарем.

Лик уплетал пироги за обе щеки, и я не переставала удивляться, как быстро он пришел в себя, а ведь воды хорошо наглотался. Вот что значит чистая экология, натуральные продукты и естественный отбор. В такие времена выживали сильнейшие.

В дверь громко постучали. Лайна бросилась отпирать, а у меня душа ушла в пятки.

– Там следователь к вам идет! Уже на пороге! – пискнула внучка хозяйки и сунула любопытный нос, пытаясь разглядеть меня поближе.

– Я пока с котом поиграю, – с этими словами Лик подхватил котофея, который вылизывал заднюю лапу, под мышку, и выскочил на улицу через окно. Пушистого толстяка такая наглость шокировала, он успел только глаза выпучить и недовольно мяукнуть.

Спустя минуту в дом вошел низенький полный мужчина с портфелем в руках. Снял шапку, устало вздохнул и вытер потное лицо. Он выглядел как клерк, которому до смерти надоела его работа и которому ничего особо не надо.

– Здравствуйте, – я привстала и кивнула ему, пытаясь сохранять спокойствие.

Тот оглядел меня с ног до головы и приветствие проигнорировал.

– Что у нас тут? Говорят, некромантией балуетесь? Не стыдно?

– Да глупости болтают, – вмешалась Лайна, но следователь бросил на нее строгий взгляд.

– Милейшая, я не с вами разговариваю. Извольте, – и махнул рукой в сторону двери.

Хозяйка обиженно вскинула подбородок и удалилась. Я осталась один на один с этим странным человеком, который разглядывал меня, как муху под микроскопом.

– К некромантии я отношения не имею, вас ввели в заблуждение.

Он обошел меня кругом, извлек из портфеля огромные очки, нацепил на нос и продолжил осмотр.

– Можно не вертеться? – прошипел раздраженно. – Мне надо осмотреть вас магическим зрением.

Мамочки, снова магия. Только я ничего не чувствую, если не считать озноба и стайки скользнувших по спине мурашек. Да уж, даже у моей заведующей поликлиникой был не такой тяжелый взгляд, когда я косячила с документами.

– Так я и думал, некромантией здесь и не пахнет. Незарегистрированная магичка? – наконец изрек он и убрал очки в карман. Сразу стало легче дышать.

– Простите, не совсем понимаю...

Следователь недовольно поджал губы.

– Не знали о наличии у вас магии? Раньше за собой ничего странного не замечали? Родители кто?

Ох, если бы знать! Пока я молча хлопала глазами и судорожно думала, он сделал свои выводы, достал из портфеля книжицу, сел за стол и начал быстро что-то писать.

Я уверена, что никакой магией не пользовалась, спасая Лика. Но раз следователь что-то разглядел... Нет, лучше не спорить. Послушаю, что дальше скажет.

– Ясно. Магия не всегда передается по наследству, иногда проявляется спонтанно. Редко, но бывает. В основном ею владеют люди благородного происхождения, но вы на высокородную нейру не похожи. Так и запишем.

– И что мне дальше делать?

Я совершенно ничего не понимала. Правда, уже успела убедиться, что это точно не сон, поэтому надо выяснить, как я сюда попала и как вернуться в свой мир. А если это невозможно, то научиться выживать здесь. С моими врачебными навыками можно помогать людям, зарабатывать на хлеб. Дети везде одинаковы. Может, и существуют болячки, свойственные исключительно этому миру, но при наличии головы на плечах и с ними можно разобраться.

А использовать магию? Колдовать? От одной только мысли волосы на голове шевелиться начинают. Ведьма из меня, как из козла балерина.

– Вам надлежит в десятидневный срок явиться в столичную Академию магии и пройти регистрацию. Там определяют тип дара, которым вы владеете, дальше будете действовать по инструкции.

На этих словах силы меня покинули, я тяжело опустилась на стул и подперла голову рукой. Ну почему я? Чем я провинилась? Час от часу не легче.

– Читать и писать умеете? – спросил следователь высокомерно и протянул исписанный листок. – Вот здесь подпись поставьте.

Я взяла в руки перо и сощурилась, пытаюсь различить знакомые слова. То ли этот следователь в прошлой жизни был участковым терапевтом, то ли у меня с глазами беда, но я ничегошеньки не поняла. Одни каракули.

Мужчина выдохнул нетерпеливо, как бы говоря: «Давай уже пиши, некогда мне с тобой возиться, я домой хочу».

– Ясно, читать не умеем. Тогда просто поставьте крестик. Вот тут, – и ткнул пальцем внизу листа.

Вот же попала... Если я вселилась в тело простой деревенской девушки, то вполне объяснимо, что она не умела ни читать, ни писать. И я, соответственно, тоже. Это значительно осложняет дело. А если мне предлагают контракт на передачу души или другого жизненно важного органа?!

Подумав еще пару секунд, я все-таки черкнула свою обычную подпись. Следователь вскинул бровь, удивившись.

– А что мне надо будет делать в Академии? Учиться?

Нет, только не это! Все экзамены я уже сдала, даже проклятую гистологию. Мне она до сих пор снится в кошмарах, и я от всей души жалею нынешних студентов. А мой собеседник, кажется, даже повеселел.

– Учиться там слишком дорого, да и берут в основном высокородных потомственных магов. Вам могут наложить ограничение, чтобы не натворили дел, или отправят выполнять какую-нибудь простую работу, где требуются самые элементарные магические навыки. Ваш дар совсем слабый, милейшая.

Звучит обнадеживающе. Что ж, в любом случае я не оставлю идею подрабатывать лекарем. В моем мире медицина была всем, что я могла и любила, буду использовать знания и опыт в этом.

– Теперь дайте руку.

Я нехотя исполнила просьбу. Следователь достал из портфеля металлическую печать и опустил мне на ладонь. Всю руку до плеча пронзила острая короткая боль, и я вскрикнула. На коже засветилась причудливая алая печать.

– Что это? – я не могла оторвать взгляд от переплетения витиеватых узоров, они вспыхивали, словно живые.

– Это знак, которым помечают незарегистрированных магов, чтобы все знали, что от вас нужно держаться подальше. К тому же он на время заблокирует ваш дар. Вы ведь не умеете с ним обращаться.

Да? Может, тогда надо было мне эту печать на лоб наклеить, чтобы наверняка?

– А что, если я не успею попасть в столицу к сроку?

Где она вообще находится? Долго ли туда добираться? Я ничего не знаю об этом мире! Мысли закружились в панике, я сжала ноющую ладонь в кулак.

– Ничего, печать не даст проигнорировать эту процедуру или забыть о ней, и вам это вряд ли понравится. Так что в ваших интересах поторопиться, дорогуша. Иначе вами заинтересуется другое, более серьезное ведомство. И это вам не понравится тоже, – следователь многообещающе приподнял брови, и я поняла, что он не шутит. – Кстати, не забудьте заплатить за вызов. С вас один серебряный сорен. Надеюсь, хотя бы деньги у вас имеются?

Глава 4

– Вот жулики! Лишь бы народ честной обобрать, – не прекращала возмущаться Лайна все время, что я собиралась. – Их работа должна быть бесплатной! С нас и так налоги дерут.

– Что поделать, не устраивать же скандал? – я пожала плечами, хотя мне до боли было жаль расставаться с серебряной монеткой.

Хозяйка закинула полотенце на плечо и, закатав рукава, принялась месить тесто. При этом она сжимала его так сильно, будто представляла чью-то шею. Даже Лик с котом притихли и забились в уголок. Парнишку так и не навестил никто из родственников, от обиды за него болело сердце.

– Я бы на твоём месте стрясла деньги с тех остолопов, которые следователя вызвали. Но они все, как назло, разбежались. Бессовестные!

– Ничего страшного, дорогая Лайна, – я улыбнулась. – Где убыло, там и прибыло. Зато теперь я знаю, что у меня есть магический дар.

Я успела вкратце пересказать свой разговор со служителем закона. Со слов Лайны поняла, что королевство называется Рэнвилль, а столица – Флейвинг. Находилась она не так уж далеко, и в заветные десять дней я должна была уложиться. Дилижанс ходил раз в три дня, но ждать его смысла нет, поэтому решила выдвинуться сразу после того, как купила на рынке все необходимое. Мешочек с монетами ощутимо похудел, в ближайшие дни надо подумать о том, как заработать еще денег.

Пока я закупалась продуктами в дорогу и выбирала юбку с рубашкой, чтобы не щеголять в одежде с чужого плеча, ко мне то и дело липли странные личности.

– Красавица, а мне подаришь поцелуй жизни, как тому мальчишке? – ехидно ухмыляясь, спросил тощий кривоzubый мужик, мнящий себя первоклассным обольстителем.

– Я тебе дам поцелуй! – на него фурией налетела жена и вlepила смачный подзатыльник. – Быстро домой, бездельник!

Свидетели сцены захохотали, а мне захотелось провалиться сквозь землю. Пока ходила по рынку, замечала любопытные взгляды: несколько мальчишек следовали по пятам неотрывно, о чем-то шушукаясь. Я теперь местная знаменитость, надо же.

– Может, подождешь до завтра, Аннис? Завечереет скоро, – Лайна снова принялась меня уговаривать.

– Если выйдет сейчас, к ночи успеет добраться до Подлесной. До нее всего ничего, – вмешался Лик.

Он сидел на полу, почесывая толстое пузо кота Уголька. Тот блаженно прищурил глаза и мурчал на весь дом.

– Ну как знаешь, дело твое, – хозяйка вроде даже обиделась.

Но я не могла долго пользоваться чужим гостеприимством, тем более неведомое чувство гнало меня в путь. Может, это печать так работает?

Я утрамбовала в дорожный мешок небогатый скарб и разжала ладонь. Огненно-красный знак горел так же ярко, как и вначале. Потом склонилась над кадкой с водой и замерла, увидев отражение.

На меня смотрела девушка хоть и с миловидным личиком, но никак не красавица. Большие светлые глаза глядели немного растерянно, рот приоткрыт от удивления. Нижняя губа более пухлая, чем верхняя, как и у меня прошлой. Да, у нас есть некое сходство. Сейчас бы зеркало нормальное...

– Вот, пирог с собой испекла, – Лайна сунула мне в сумку заботливо завернутый в чистую ткань гостинец. – Девка ты хорошая, сразу видно, не грех и позаботиться.

Поддавшись эмоциям, я крепко обняла Лайну и долго не могла отпустить. В этих объятиях крылся и страх перед новым миром, и желание спрятаться, и тоска по давно ушедшей бабушке. Лайна была первым человеком здесь, который проявил бескорыстную доброту и участие.

– Спасибо вам, – прошептала ей в шею, вдыхая теплый домашний аромат.

– Ты заходи в гости, если в наших краях будешь. Удачи тебе, Аннис. Береги себя.

На прощание женщина даже всплакнула, Лик провожал меня угрюмым молчанием. Вывернулся, когда попыталась его обнять, и умчался прочь, не попрощавшись. Чем я его обидела?

Я шагала по дороге, из головы никак не шел образ спасенного мальчишки. Внутри свербило чувство, будто я сделала что-то неправильное, но что еще я могла?

Вот и деревня осталась позади, и вдруг – топот за спиной. Я остановилась и медленно обернулась. На всех парах ко мне мчался Лик, а под мышкой у него болтался Уголек. Коту явно не нравилась такая тряска, он глядел обреченно, только кто его спрашивал?

– Ты чего это? – спросила, когда парнишка догнал меня.

Он тяжело дышал, щеки покраснелись, а рубашка взмокла.

– Только не ругайтесь, ладно?

– И мысли не было, – я улыбнулась уголками губ. – И все же, что ты задумал, Лик?

Он посмотрел виновато и стал ковырять землю мыском ботинка.

– Можно я с вами отправлюсь?

– Ты решил сбежать из дома?!

Он глянул на меня с вызовом.

– Я уже взрослый, мне двенадцать лет!

– Совсем дитя еще, – я схватила за сердце. – А как же твои родные? Что скажут тетя с дядей?

– Я давно хотел уйти, я им не нужен. А если доберусь с вами до столицы, то смогу устроиться в какую-нибудь лавку подмастерьем, я много чего умею! И вдвоем путешествовать веселее. Дорогая Аннис, ну пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйстааа!

Он схватил меня за руку и потряс. Столько надежды было в глазах этого мальчишки, что мое сердце дрогнуло.

– И что мне с тобой делать? – спросила одними губами, прижимая Лика к себе.

Дети – это огромная ответственность, а я сама не знаю, как сложится моя судьба. Смогу ли выжить и постоять за себя? И потом, кому мальчик нужен в столице? Где будет жить, чем питаться? Вдруг Лика кто-нибудь обидит?

Если мыслить здраво, то лучший выход – вернуть его домой, но... Но. Не могла я так поступить, только не после того, как спасла жизнь этому пареньку. Мы оказались связаны ниточкой, пока еще тонкой, но она крепла с каждой минутой. Мальчишка так на меня надеялся, я не могла его оттолкнуть.

Пока я размышляла, на меня внимательно глядел Уголек. Слишком умный у него взгляд для кота, слишком говорящий. Он пялился, будто ждал чего-то.

– Ладно. Вдвоем и правда веселей, – сказала я наконец. – Только обещай меня слушаться и не влипать в неприятности.

– Ура! Аннис, вы самая лучшая! – завопил на радостях Лик и, обогнав меня, зашагал вперед по дороге. – Ну, чего мы ждем? Пошли!

Конечно, мы переоценили свои силы и не успели добраться до Подлесной. Стемнело слишком быстро, пришлось заночевать в лесу. Благо, Лик прекрасно ориентировался в этих местах и знал о путешествиях и выживании гораздо больше меня. Он догадался захватить из

дома кремень с кресалом и развел костер. Мы отужинали моими припасами, от усталости, еды и свежего воздуха клонило в сон.

– Хотел бы я быть магом, – протянул Лик мечтательно. – А вы когда-нибудь видели огненных магов? Говорят, они могут такой костер забабахать, что ух! – он раскинул руки, глаза заблестели от восхищения.

Будь моя воля, я бы этого избегала. Хотя интересовалась фэнтези, когда оно наводнило полки магазинов. Помню книги, где на обложках красовались девы в бронелифчиках и мужики с лоснящимися от масла мышцами, помню коварных рыжих ведьмочек, драконов и эльфов с гномами. А еще истории про попаданцев. Ну там в Ленина, в Сталина, даже в Ивана Грозного. Если вернусь домой, смогу написать свою историю.

– Слушай, Аннис, – начал мальчик загадочным шепотом. – А ты правда... некромансерша?

Он не заметил, как перешел со мной на ты. Я усмехнулась.

– Глупости, даже следователь это подтвердил.

– Тогда интересно, какой магией ты обладаешь? – Лик нахмурился и потер подбородок. – Повезло тебе, я даже завидую. Мы с мальчишками иногда играли в магов, я представлял, что могу все. Всех победить, всех спасти. А что ты умеешь лучше всего? Чем занималась у себя дома?

Я откинулась спиной на ствол дерева и скрестила руки на груди.

– Ну... я была кем-то типа целителя. Помогала детям. И взрослым тоже.

– Ого! – в голосе мальчишки послышалось уважение. Он подогнул под себя ноги и уставился на меня во все глаза. – Говорят, это дар богов. Может, у тебя есть целительская магия? Ты ведь как-то спасла меня, хотя говорят, что я был уже мертв.

– Ты был жив, просто наглотался воды и на какое-то время перестал дышать. А магию я никогда не использовала, для меня самой это стало сюрпризом.

Парнишка замолчал, о чем-то напряженно раздумывая.

– Что ты будешь делать потом, Аннис? – Лик посмотрел на меня с надеждой. В широко распахнутых наивных глазах плясали отблески костра.

– Планирую осесть в каком-нибудь спокойном месте и помогать людям. И, Лик, я тебя не брошу. Вдвоем как-нибудь справимся, правда? Я теперь за тебя в ответе.

Он просиял и усадил на колени Уголька. Кот сопровождал нас всю дорогу и, кажется, не собирался покидать.

– Обещаю, что не стану обузой. Я буду помогать во всем, Аннис.

– Спи уже, помощник, – сказала я ласково. – Завтра снова в дорогу.

Вскоре Лик уснул, положив под голову мою сумку. И я уже задремала, как вдруг из полусна вырвал вкрадчивый голос:

– Как интересно...

Я напряглась. Точно не послышалось, здесь кто-то есть, он говорит со мной. Медленно я протянула руку и нащупала палку.

– Кто здесь? – спросила так грозно, как только могла. – Покажись!

Ликерис сказал, что тут нет разбойников, места спокойные. Неужели? Что-то я так не думаю.

– Странная, не от мира сегоо...

Я вскочила и завертелась по сторонам, выискивая чужую фигуру во мраке леса. Пальцы судорожно сжимали палку, сердце билось о грудную клетку, все мышцы напряглись. Он нарочно меня пугает. Пусть только попробует приблизиться, я его!..

– Заблудшая душоонка, мрряуу...

Я рывком обернулась и встретила взглядом с горящими глазами-плошками. Уголек смотрел на меня в упор.

– И откуда ты только взялась?

Так-так-так, не поняла. Со мной что, кот разговаривает?!

Я медленно села и отложила палку. В происходящее верилось с трудом, но факт есть факт. Точнее, пресловутая магия. Эх, чувствую, еще не такое увижу.

– Ты что, говорить умеешь? – спросила шепотом.

Мне померещилось, что котяра хитро и самодовольно улыбнулся.

– Ну да, мрряяю. Я не обычный кот.

– А с Ликом ты тоже разговаривал? Он твой хозяин?

Уголек бросил взгляд на спящего мальчика и потянулся, взъерошив шерсть на загривке.

– Не каждый может услышать меня. И я никому не принадлежу, я свой собственный.

Гуляю, где хочу.

Получается, он и сам не прочь был последовать за нами?

– А почему я могу тебя слышать?

Кот фыркнул, демонстративно задрал лапу и начал ее вылизывать.

– Говорю же, ты странная. Как ты сюда попала?

Неужели Уголек догадался, кто я? С одной стороны рассказывать о себе всем подряд рискованно, а с другой – у меня есть шанс еще хоть что-то узнать.

– Так ты все обо мне понял?

Вот бы рассказать кому, что я с котом беседовала! Даже психиатр не поверит.

– Ну... – Уголек замер с задранной лапой и помолчал. – Звери чувствуют многое из того, что неподвластно людям. Я сразу понял, что душа у тебя не здешняя. Ты пришла из другого мира?

Бросив взгляд на Лика и убедившись, что парнишка крепко спит, я негромко заговорила:

– Да, так и есть. Только не понимаю, как. Ты ничего не слышал о подобных мне?

Кот лениво сменил положение. Движения его были грациозными и по-царски вальяжными.

– Среди людей ходили байки о подселенцах. Или попаданцах, как их еще называют. Но их давно никто не видел. Говорят, такие люди приносили в наш мир несчастья и беды.

На этих словах я даже сникла.

– Почему?

– Обычно начинался хаос, перемены...

– Но перемены могут быть и хорошими. И вообще, ты дальше деревни где-нибудь бывал?

Котофей посмотрел так, будто я утомила его своей болтовней.

– Я много где бывал, тебе-то что? А сейчас решил отдохнуть, остепениться. Может быть, котят завести. Вот только мальчишку отпускать одного не хотелось, бедовый он. А с тобой вообще пропадет.

Что бы про котов ни говорили, вовсе они не эгоисты. У этого, например, сердце доброе, и на Лика смотрит снисходительно, как на того самого котенка.

– Слушай, а ты случайно не фамилляр? Просто в книгах, которые я раньше читала, у ведьм были черные коты-фамилляры, – и, подумав, решила сделать Угольку приятное: – Такие же умные, сообразительные, отважные.

Уголек презрительно фыркнул и улегся, обняв себя пушистым хвостом.

– Не подлизывайся.

И замолчал. Но мне очень интересно было выведать правду.

– Ну скажи, Уголек. Ты фамилляр или нет?

– Отстань. Я слишком стар и ленив для всего этого.

Меня развеселил его ответ. Я подперла голову рукой и продолжила допрос:

– Ладно, не хочешь, не отвечай. Лучше расскажи больше про магию. Какие ее виды бывают, как ей вообще пользуются?

– Ты слишком торопишься... как тебя звать?

– Аннис, – напомнила я. – Или просто Аня.

– В тебе действительно есть зачатки магии, но невозможно сказать, владела ли ей прошлая хозяйка тела, или она связана с твоей душой. Ты ведь в своем мире была лекарем?

– У нас меня называли врачом, но смысл тот же. В нашем мире не было магии ни у кого, я много лет изучала медицину, а потом работала детским лекарем, пока сюда не попала. Только вот проблема – я понятия не имею, как меня занесло в ваш мир. Ты случайно не знаешь, как это обычно происходит и есть ли путь обратно?

Показалось, что кот захихикал, а потом я услышала его полный сарказма голос:

– Ну что ты, Аня, как маленькая. Даже великие маги не могли путешествовать из мира в мир. Как говорится, попаданство – это дилижанс в один конец. В своем мире ты умерла, возвращаться тебе некуда.

Не сразу получилось смириться с чудесной новостью. За ночь я прошла пять стадий принятия неизбежного и уснула лишь под утро. Не скрою, все это грустно и страшно, но было бы во сто крат хуже, если бы дома меня кто-то ждал. Я не оставила там ничего, кроме неоплаченных счетов за воду и электричество и работы.

Всю жизнь я прожила с бабушкой. Она не любила вспоминать о моих родителях, я знала только, что отец пропал сразу после моего рождения, а мать через три года уехала то ли в Италию, то ли в Испанию со своим кавалером. С тех пор ни слуху, ни духу. Но я не жаловалась, бабушка понимала меня как никто другой. Порой, конечно, была строгой и любила поворчать, но я радовалась каждой минуте, проведенной рядом с ней. Я тяжело переживала ее утрату, она стала для меня и лучшей подругой, и матерью, и сестрой.

В самом деле, что держало меня в старом мире? Родных не осталось, замуж не вышла, думала, все впереди, ведь из-за тяжелой учебы и работы я даже пожить для себя не успела. После переезда в другой город растеряла немногочисленных друзей, а домашних питомцев предусмотрительно не заводила: у меня даже кактусы дохли. В общем, жила самой обычной, ничем не примечательной жизнью.

Только за работу обидно. Без ложной скромности могу сказать, что меня там любили и ценили, а детки с участка стали почти родными. Медициной я болела с детства, даже стишок любимый был про доктора Айболита. В школе интересовалась биологией и анатомией человека, любила слушать рассказы бабушкиных друзей-медиков, когда те заходили в гости. Дядя Гриша работал врачом скорой помощи, а тетя Оля – неонатологом. Я никогда не раздумывала, не выбирала, всегда знала, что буду врачом, когда вырасту. Так и случилось.

Я посмотрела туда, где спали, прижавшись друг к другу, Лик с Угольком. Как удивительно порой в жизни случается. А что, если я попала сюда не просто так? Если это не совпадение, не случайность, а высший замысел? Даже если меня сюда закинуло только для того, чтобы спасти Лика, значит, так было нужно.

Глава 5

После ночных раздумий я смогла успокоиться и привести мысли в порядок. Теперь – смотреть только вперед, не оглядываясь на прошлое. Начать новую жизнь? Да не вопрос, я еще молодая!

Уголек больше со мной не разговаривал, его невозможно было заставить что-либо делать, если кот этого не хотел. Он вообще был на своей волне: то убегал далеко вперед, то крутился возле ног Лика. Один раз притащил пойманную мышь и подарил мальчишке. Лик убеждал, что до ближайшей деревни осталось «вот совсем чуть-чуть», а там можно и транспорт нанять.

– Ты знаешь, откуда взялся Уголек? – спросила я, когда котофей в очередной раз отбежал поохотиться.

Лик пожал плечами.

– Он давно в деревне жил. Все его любили и подкармливали, особенно я и Лайна. Говорили, что, когда я начал тонуть, Уголек прибежал на берег и стал мяукать, будто человеческим голосом кричать, – на этих словах он поежился. – Благодаря ему меня и заметили.

– Он любит тебя.

– Он мой друг, – серьезно ответил мальчик. – Иногда мне кажется, что Уголек все-все понимает, только не может сказать.

Или не хочет, вредина лохматая. Уголек и сам вчера удивился, когда я начала ему отвечать. Я планировала выяснить всю правду о нашем пушистом спутнике. Неспроста он привязался к Лику. Уголек себе на уме, а мне пока не слишком доверяет.

Шагая по дороге, я обдумывала план действий. Только теперь поняла, что в моем замысле много дыр. Этот отсталый, с точки зрения технологий, мир – огромная проблема для современного врача, привыкшего к комфорту. Там тебе и УЗИ, и анализы по cito, и томография. А тут...

Во-первых, из лекарств здесь могут быть только травы, ягоды и прочие дары природы. Ну и порошочки какие-нибудь. Вряд ли в этом мире слышали про парацетамол, противовирусные или антибиотики. Значит, победить даже обычный грипп – большая проблема. А если вспомнить, какие эпидемии свирепствовали в восемнадцатом-двадцатом веках? А детские инфекции типа скарлатины или дифтерии? Я уж молчу о разной иномирной гадости, с которой пока не знакома.

Во-вторых, здесь вряд ли знают об асептике с антисептикой, бактериях и вирусах. Хотя могу и ошибаться.

В третьих, из методов диагностики только собственные глаза, пальцы и опрос, до изобретения хотя бы рентгена лет сто пятьдесят-двести, как минимум. И то, если брать за основу наш мир. Не уверена, что магов, которые могут лечить одним только взмахом руки, хватает на всех страждущих. Скорее всего, бедняки обречены страдать и обходиться подручными средствами.

И что мне делать?

Для начала изучить все самые частые заболевания, имеющиеся методы лечения, ассортимент местных аптек. А также роль магов-целителей. Надеюсь, визит в академию что-то сможет прояснить? Если у меня действительно обнаружат целительскую магию, – в это, конечно, слабо верится, – надо будет научиться ее правильно использовать, чтобы не навредить. Опять же, обучение стоит дорого. Вряд ли местные маги страдают филантропией.

Интересно, в этом мире сейчас есть попаданцы? Или я – единственная? И правда ли, что подобные мне приносят только беды? Если все здесь в это верят, надо быть крайне осторожной и не выдать себя.

От Лика я узнала, что он осиротел, когда был совсем крохой. Родителей унесла лихорадка.

– Уж не знаю, как я выжил. Чудо какое-то, не иначе, – мальчик взъерошил и без того торчащие волосы. – И потом столько раз помереть мог: с крыши падал, ногу ломал, однажды свинья чуть не затоптала, вчера едва не утонул, – он посмотрел на меня внимательно, будто ждал чего-то.

– Ты невероятно везуч, Лик. Но все-таки себя надо беречь и быть внимательным. Ага, везуч. Как будто охраняет кто-то.

А что? Возможно, так и есть. Много ли я знаю об этой их магии?

Следующая деревенька, лежавшая у нас на пути, называлась Подлесной. Лик рассказал, что местные работают на лесопилке, а кто-то уходит в поле на целый день, поэтому улицы сегодня были пустынные. Я даже расстроилась: вряд ли в этой дыре можно найти сносный транспорт или попросить кого-то подбросить нас до столицы.

Проходя мимо невзрачного, похожего на все остальные домишки, я услышала надрывный детский плач и остановилась.

– Ты чего? – Лик уставился на меня недоуменно.

– Там ребенок плачет.

– Ну да. И что? – он все еще не понимал, что меня так взволновало. – Дети часто плачут, ты ведь знаешь, Аннис.

Конечно, знаю. Но слишком уж отчаянный крик стоит, малыш никак не унимается.

– Давай узнаем, что случилось. Вдруг нужна помощь? Обычно интуиция меня не обманывает.

Я зашагала к дому, Лик обреченно поплелся следом. Дверь была подперта палкой, я убрала ее и осторожно прошла внутрь.

– Хозяйева! Есть кто дома?

И осеклась, потому что в углу на полу заметила ребенка, на вид ему было месяцев семь-восемь. Совершенно один, с перемазанным кашей лицом, он сидел и горько рыдал.

Плач был единственным звуком, нарушавшим тишину. Где же родители? Родственники?

Присев возле малыша на корточки, я осторожно взяла его на руки.

Несколько секунд ребенок удивленно смотрел на меня круглыми голубыми глазами, а потом зашелся в таком крике, что у меня завибрировали барабанные перепонки. Иногда, осматривая чужих детей, я недоумевала, как маленькое хрупкое тельце может воспроизводить настолько громкие звуки?

Помню, на лекции нам рассказывали, что для взрослого человека детский плач является самым раздражающим звуком. Так задумано природой для выживания с древнейших времен, чтобы малыша можно было найти, даже если он затерялся в густых джунглях. Подозреваю, что маленькие доисторические человечки своими воплями могли распугать и стаю саблезубых тигров.

Я бормотала успокаивающие слова, покачивая ребенка – это оказался мальчик. Но он впал в истерику и успокаиваться не желал. Лик с беспомощным видом топтался рядом, потом не выдержал и выскочил на улицу.

– Ну-ну, тише, мой хороший. Что же ты так кричишь? Может, у тебя что-то болит? Или...

Я почувствовала явственный запах детской неожиданности. Если лицо, руки и одежда были перемазаны кашей, то штаны – полны сюрпризов. И как такого маленького и беспомощного оставили одного?

Одной рукой прижимая к себе мальчугана, я стала искать воду для подмывания и сменные пеленки, но в зоне досягаемости ничего не было. Домишко оказался бедным, дощатый пол – грязным и холодным. Так и заболеть недолго.

Со стороны улицы послышались голоса. Может, это вернулись родители? Но в дом снова зашел Лик, а следом ковыляла, опираясь на клюку, древняя старушка. Взобравшись на крыльцо, она спросила:

– Чего такое? Чего еще случилось? Ты откуда взялась тут?

– Меня зовут Аннис. Я проходила мимо и услышала детский плач, решила проверить.

А где же родители малыша?

Бабулька посмотрела на меня, как на дурочку.

– Так Лина в поле ушла еще утром, а отца нет, помер. Кто же с ним сутками нянчиться будет? Всем работать надо.

– У вас принято оставлять детей одних?

– А что с ним станется? – спокойно спросила бабуля. – Я раз в день зайду, проверю, кашки положу, пеленку сменю. Не могу все время приглядывать, у меня трое таких. Соседки присмотреть просят, а мне, старой, куда деваться? Детки постарше родителям помогают, а родня не у всех есть. Что могу, то и делаю, – заключила она и тяжело опустилась на колченогий табурет у печки.

Пока несчастный малыш не оглушил нас своими криками, я взялась за дело: спросила у бабули, где раздобыть теплой воды и пеленки, нагрузила Лика, даже Уголька заставила сидеть рядом с ребенком и отвлекать его. Мальчик тут же забыл о слезах и попытался поймать кота за хвост.

– Ты откуда, сердобольная?

– Я, бабуль, не местная. Держу путь в столицу, как раз через вашу деревню идем. А как у вас, в Подлесной, живется? Что за народ?

Я болтала с бабушкой, пока меняла грязную одежду, Лик в это время сбегал к ней домой и принес котелок с еще теплой водой.

– Народ у нас хороший, только деревня мельчает, – сказала она с тоской. – Молодые кто в город стремятся на заработки, кто спивается, кто пашет день и ночь на лесопилке. Сама же видишь – даже за ребятней некому присмотреть, только старики и остались.

– Ну ничего, главное, чтобы жили дружно.

Мальш был не в восторге от водных процедур, но рыдать перестал. Да и Уголек исполнял поручение на совесть, давал себя погладить, тряс пушистым хвостом. Переодевая мальчугана, я успела осмотреть его и не заметила никаких нарушений в развитии. Активен, в меру упитан, кожа чистая, без высыпаний, светлые волосы выются колечками.

– Было бы здорово, если бы кто-то организовал детский сад. Например, общее место, где жители могут оставлять своих малолетних детей, а там бы за ними присматривали.

Бабуля хохотнула. Она, заметно повеселев, наблюдала за мной с любопытством.

– Мы всю жизнь так жили, и ничего. Помню, была совсем маленькой, так на мне висели трое братьев. Я за ними ходила, пока родители работали. И дом прибрать успевала, и обед сварганить. Не то что сейчас, – она махнула рукой. – Разбаловались. Слабенькие люди стали, это раньше – ух, кремь!

Я улыбнулась. Ох уж эта фразочка: «Мы так делали, и ничего». Вообще, в нашем мире было точно так же, помню рассказы бабушки о детстве. Они жили в деревне, где работы всегда невпроворот.

– А почему вы всех не соберете у себя в доме? Так же проще, чем бегать туда-сюда.

– Ой, они же мне все разнесут! И крики эти целый день слушать, я бабка уже старая, мне больше лежать охота.

Мальш успокоился окончательно. Чистый и повеселевший, он вцепился мне в волосы, желая проверить, хорошо ли они крепятся к черепу.

– Вы так спокойно ко мне отнеслись, – заметила я. – А если я дурное задумала? Или вообще воровка какая?

– Помилуйте боги! Чего у нас воровать-то? – бабушка снова прыснула. – Да и ты на разбойницу не похожа, к тому же с ребенком. Твой сынок?

– Младший брат, – ответила я. Наверное, зрение ее подводит, я никак не могу выглядеть матерью Лика, слишком молода. – Слушайте, бабуль, давайте, раз мы все равно тут, зайдем к остальным детям? Я помогу вам, пока родители не вернулись, мне не трудно.

Эта женщина – кладезь информации, я хотела узнать, как вообще обстоят дела с лекарями и травницами. Не планировала задерживаться надолго, но что-то так жалко стало и ее, и детей. У нас в университете был очень старый дедушка-преподаватель, который рассказывал о своей работе детским врачом в деревнях. Везде царил разруха, шла середина прошлого века, тогда народу тоже не хватало, особенно мужчин. Он чуть ли не со слезами на глазах говорил о детях, которых матери оставляли дома одних, уходя на работу. Совсем крошечных привязывали за ножку к кровати, чтобы далеко не уползали.

Он слал письма и жалобы в райисполком, требуя открытия яслей и садов, пока не добился своего. И наконец начальники сдались! Это была победа одинокого врача, потому что сами чинуши не видели проблемы. Интересно, возможно ли такое здесь?

Бабуля была рада моему энтузиазму, шустро ковыляла к следующему дому, где точно так же сидели два одиноких малыша. Я несла на руках ребенка, его звали Малок. Он сонно моргал и тер глазенки.

– Давайте я помогу вам их накормить? Можно сварить овощное пюре и кашу.

– Ой, милая, хорошо бы. А то я уже забегалась. Народ у нас благодарный, гостинцев с собой дадим, а может, кто и подвезет вас до ближайшего городка. Завтра мужики на ярмарку собираются.

Только завтра? Это придется ночь переждать. Но, с другой стороны, путешествовать в большой компании – не так опасно. А если на телеге, то и ноги сбивать не придется. По времени даже экономней выйдет.

В следующем доме мелкие разбойники полтора и двух с половиной лет устроили настоящий погром. Оставленную на полу тарелку каши они вымазали на себя, на стену и на собаку. Высыпали муку, каким-то образом стянули яйца и пытались, наверное, приготовить омлет. Причем деревянные игрушки лежали в уголке аккуратной кучкой, даже не тронутые.

– А почему это я должен мыть попы? – искренне возмутился Лик.

Я передала засыпающего Малока бабушке, а сама принялась ловить шустрых братьев.

– Ты обещал помогать мне, помнишь? И вообще, все мы через это проходили, ты сам когда-то пачкал пеленки.

Парнишка залился краской и буркнул:

– Ладно, только не ругайся.

– Я и не ругалась. Почему ты так говоришь? Тебя часто ругали?

Наверное, так и есть. В этом мире и в этом времени с детьми не церемонятся. Жизнь и условия совсем другие – намного жестче, безжалостней. Когда на кону стоит выживание, сюсюпуси отходят на второй план.

– Ага, за каждую мелочь. А тетка и хворостиной пройтись любила, – подтвердил мою догадку Лик.

В несколько рук работалось быстрее. А если учитывать Уголька, то в нашем распоряжении были еще четыре лапы и хвост. Детям кот благоволил больше, чем взрослым, на мои попытки заговорить пока никто не видел делал круглые глаза, а потом демонстративно отворачивался. Характерный!

– Скажите, а лекари у вас в деревне водятся? – спросила я бабулю.

– Да есть одна старая знахарка. Поди уж старше меня. Но она почти ослепла, да и память подводит. Недавно заместо порошка от головы дала рвотный. А если что серьезное случается, то в город приходится ехать. Мужик одну ногу сломал, кузнец вправить пытался, так только хуже сделал. Нога вся распухла, посинела, орущего бедолагу на телегу погрузили и в город отправили. А там... – бабуля сделала страшные глаза, – ногу и оттапали.

– Ого, – протянула я, понимая, насколько все запущено.

– Вот тебе и ого. А ты зачем интересуешься? Больная, что ли?

Я натянула штанишки на извивающегося малыша и вручила ему игрушку.

– Не больная. Просто сама потихоньку целительством занимаюсь.

В глазах бабушки мелькнули уважение с интересом.

– Молодая ты слишком для целителя. Но раз так, то у нас есть тут один больной, с которым никто справиться не может. Посмотришь?

О, кажется, это был вызов. А вызовы я любила. Сдать тесты на сто процентов? Вызубрить за ночь параграф? Стать лучшей студенткой в группе? Списать формулы полисахаридов, чтобы препод не спалил? Я в деле!

– Конечно, бабуль! Как закончим с малышкой, так и отведете. Мне самой интересно, что там за больной такой.

Глава 6

Пока я возилась со старшим братишкой, младший жевал подол моей юбки. В другое время они носились, как две торпеды, круша все на своем пути и весело хохоча. Бедная бабуля, и как она с ними справляется? Но что делать, если больше некому проследить за соседскими детьми? Надо выручать, не чужие ведь люди. Всегда сосед помогал соседу.

Вдруг дремавший Малок встрепенулся и громко зарыдал. Я взяла его на руки в попытке успокоить, у меня тоже сердце было не на месте. Когда его осматривала, у малыша ничего не болело, все было в порядке. Возможно, проголодался или желает видеть только мать – родные руки сами по себе исцеляют.

Но раз ее нет, придется как-то справляться. И тогда я сосредоточилась, вдохнула-выдохнула и полностью сконцентрировалась на ребенке. Держа его одной рукой, второй стала медленно поглаживать по голове, перебирая светлые завитки и бормоча ласковые слова.

На мгновение Малок замер, взгляд затуманился. Он зевнул и стал закрывать глаза. И тут в ладонь с печатью будто толстая игла вонзилась – я сжала зубы, чтобы перетерпеть боль. Гадство какое-то! Это что, мне таким образом сигнализируют, что надо торопиться? Подождут. Не люблю, когда меня гонят, как лошадь.

– Глядите-ка, успокоился, – бабушка всплеснула руками. – Послали нам тебя боги, Аннис. А ты, случаем, не добрая волшебница?

Но ответить я не успела. Один из мелких сорванцов изо всех силенок дернул Уголька за хвост, кот взвыл и шарахнулся прочь, по пути поднимая с пола облако рассыпанной муки. Малыш не удержался на ногах, шлепнулся на пятую точку и заревел. Видя слезы брата, захныкал и второй – дом снова наполнился плачем.

Хоть я столько лет имела дело с детьми, но даже не подозревала, как сложно их воспитывать! День предстоит тяжелый...

Мы обошли еще несколько домов. По пути встречались лишь старики да босоногие дети. Они были слишком малы, чтобы работать наравне со взрослыми, и слишком большими для того, чтобы сидеть взаперти. Помню и я времечко, когда летом уезжаешь на дачу, а там друзья, яблони, игры целыми днями, лужи и сопли по колено. Местные мальчишки прокричали Лику что-то обидное и сбежали с гогомом, когда тот показал им кулак. А у меня вдруг сложилось ощущение, что я оказалась в своем мире.

Пока не вернулись родители, мы собрали всех подопечных бабушки Фанни – так звали эту сердобольную женщину, и разместились в ее доме. У нас получилась отличная команда. Лик, как настоящий мужчина, полностью включился в дело: развлекал детей играми и таскал воду, мы готовили кашу и овощи. Я сразу обратила внимание на то, как пахнет местная еда – такая простая, но удивительно ароматная и вкусная.

На большую закопченную печь я смотрела с опаской, не знала даже, с какой стороны подступиться, но быстро научилась с ней обращаться. Для самых маленьких перетерла пюре из кабачков и моркови, остальные получили порцию пшеничной каши и пироги с вишней. У старушки они вышли на удивление вкусными.

Только к вечеру удалось присесть и перевести дух. Давно я так не уматывалась! Ноги-руки гудели, в голове звенело, а глаза слипались. К счастью, родственники наших малышей начали возвращаться, Малок как раз снова уснул у меня на руках.

– Он вообще очень капризный, только к мамке идет, – цокала бабуля.

Каждый раз, когда я начинала его успокаивать, наглаживая и шепча слова утешения, ладонь то жгло, то покалывало. Странное дело, магическая гадость пыталась помешать? Или предостерегала? Я ведь ничего такого не делала. Наверное, она все-таки пыталась подстегнуть меня скорей смазывать лыжи и нестись в Академию.

А Малок даже не проснулся, когда я передала его матери – молодой женщине, вчерашней девчонке. Усталое лицо разгладилось при виде сына, она прижимала его к груди и целовала, не забывая сердечно благодарить за помощь. Именно в такие моменты я и понимала, за что люблю свою работу.

– Аннис, детка, – позвала старушка Фанни, когда детский сад был отправлен по домам. – Может, проведаешь нашу Бертину с сыночком? Помнишь, я говорила, что у него недуг странный. С ним ни травница не справилась, ни городской лекарь.

Признаться, я и забыла о нем в этой суматохе.

Едва Фанни сообщила хозяйке дома, Бертине, зачем мы пришли, та радостно хлопнула в ладоши и пригласила войти. В кухне царили чистота и порядок, на накрытом столе дымились чашки.

– Эй, Гай! Пойди сюда, оболтус!

Потом хозяйка обернулась ко мне и жалобно изогнула брови.

– Я уж боюсь, что у него чахотка или что пострашней. Вы уж не оплошайте, дорогая моя. Если сама бабушка Фанни за вас ручается, то дело вы явно знаете.

Раздались шаги, и в кухню протиснулся мальчишка – на вид ровесник Лика. Сдобный и пухлый, как пирожок, только вынутый из печки. Он зыркнул на меня исподлобья слезящимися глазами, шмыгнул носом и высморкался в рукав. Я сразу заметила нездоровый румянец... нет, вовсе не румянец.

– Гай! Где твои манеры? – накинулась на него мать. – Ну-ка, сопли подтяни.

Он снова утерся рукавом.

– Да платком же, платком! Эх, голова твоя садовая.

Мальчик затравленно глянул на мать, потом снова на меня и тяжело вздохнул.

– Здравствуй, – я улыбнулась, пытаюсь расположить к себе. – Подойди ко мне, пожалуйста. Вот так, молодец. А покажи-ка руки...

Гай закатил рукава до локтей, и я покачала головой. Так сразу и подумала!

Руки покрывали бледно-розовые волдыри, сливающиеся в целые островки, слегка приподнимающиеся над кожей.

– Крапивница, – шепнула я, на что Гай возразил:

– Но я не падал в крапиву!

– Знаю, – я кивнула, – так называется потому, что похоже на ожоги от крапивы.

– И чешется, – пожаловался мальчик, тут же подтвердив слова делом.

Бертина подошла ближе и заговорила. Она вообще была разговорчивой и очень эмоциональной женщиной.

– Снова эта напасть появилась! То исчезнет, то снова высыпет, и так уже несколько лет. Бабка-лекарка советовала делать компрессы с коровьими лепешками, но от них только хуже становилось, и мы бросили.

Мамочки! Бедный мальчишка! Эдак и ожог можно заработать. Зато я поняла, что местная целительница застряла в далеком прошлом и вряд ли чему-то сможет меня научить. Осматривая живот и спину, также покрытые сыпью, я начала задавать вопросы.

Еще студенты-первокурсники знали, что главный инструмент в работе с больным – это опрос. *Anamnesis morbi* (анамнез болезни), *anamnesis vitae* (анамнез жизни) и так далее. Я это хорошо запомнила и старалась не пренебрегать, потому что даже незначительная на первый взгляд деталь может перевернуть все.

– Как давно появилась? Не помню точно, вроде лет пять. Иногда все проходит без следа, а потом опять по новой. А что кушает? – Бертина нахмурилась. – Да он ест в три горла, как молодой бычок!

Гай смутился в ответ на замечание и обиженно запыхтел.

– Мама!

– Что, мама? Не спорь лучше.

– А насморк? Кашель? – я осмотрела горло и глаза Гаю, покрасневшие и воспаленные.

– Он вроде не простужался, но кашляет и чихает часто. По ночам иногда спать не может, особенно по весне плохо становится. Мы в городе были, лекарь выписывал микстуры от кашля, но от них тоже только хуже, – она сокрушенно качнула головой. – Столько денег потратили, и все без толку.

– Ага, глаза и нос тоже чешутся. Апчхи!

Все ясно, мальчик – аллергик, но что же главная причина? Аллергеном может быть все что угодно, к тому же во многих продуктах они родственны. А если Гаю становится хуже именно весной, это значит, что у него также есть реакция на пыльцу растений. У моих пациентов главной «злодейкой» по весне была береза, хотя непосвященным это сложно представить.

И тут мальчишка, сам того не ведая, подтолкнул меня к разгадке.

– Мам, я голодный. Пирожок хочу с медом. Можно? – Гай устремил на мать жалобный взгляд и утер бегущую из носа струйку.

А вот это уже интересно!

– И часто Гай ест мед? – поинтересовалась, сощурив глаза и почесав переносицу.

– Да у меня деверь – пасечник, мы у него мед берем. Самый лучший мед на белом свете, скажу я вам! – убежденно затарахтела Бертина. – Сын уплетает за обе щеки! А как сопли потекут, так я ему чай горячие, да молочко с медком. Побольше, чтобы здоровее был.

Я чуть не сползла на пол без чувств, но все-таки взяла себя в руки. В нашем мире, наверное, каждый знает, что мед – это мощный аллерген, несмотря на его полезность. И дело даже не в нем самом, а в пыльце, следы которой там остаются.

– Как это мед виноват? Да что вы такое говорите?! – всплеснула руками Бертина и переглянулась с сыном, когда я обвинила его любимое лакомство едва ли не во всех смертных грехах.

Я кивнула и пустилась объяснять, что, кроме меда, не стоит сейчас есть Гаю, при этом стараясь адаптировать рекомендации под местные реалии.

Увы, от весеннего поллиноза можно спастись только в Антарктиде. Или на Луне. Пыльца цветущих деревьев, трав и цветов проникает повсюду, даже самые современные методы не дают стопроцентной гарантии. Здесь не могло быть даже антигистаминных препаратов, а чем их заменить, я не знала. Но можно облегчить состояние моего маленького пациента путем соблюдения диеты.

Самой сложной задачей было объяснить, чтобы мать и сын поняли и прониклись, при этом не углубляясь в медицинские подробности и не вызывая лишних подозрений. Я ведь не похожа на умудренного опытом целителя. Я – молодая девушка, не обучавшаяся в местных академиях, не умеющая даже читать и писать, но Бертина все равно глядела на меня с надеждой. Должно быть, совсем отчаялась.

– Ой, он так жареное любит, – качала она головой.

– Это что, мне теперь почти ничего нельзя? И малину тоже? И даже жареную курочку? – испугался Гай, но мать погрозила ему пальцем.

– Зато похудеешь!

Хоть эта семья была более-менее зажиточной, рацион деревенского жителя весьма ограничен. Это же не аристократы какие-то. Но, если здесь встречается банальная аллергия, значит, болезни этого и моего мира похожи. И лечение, по идее, должно помочь.

– Пойдемте, милая, провожу вас к дому бабушки Фанни, – сказала хозяйка, когда мы закончили. – И вот, пожалуйста, возьмите от нас за труды.

В карман упали две медных монетки. Первый заработок в новом мире! Я сначала смутилась, но Бертина уверенно произнесла:

– Берите, берите. У нас положено благодарить, это называется обмен добром. Уж лучше я вам заплачу, чем еще хоть что-то дам этим городским негодникам! Мы попытаемся сделать так, как вы сказали. Попытка не пытка, хуже уже не будет, – добавила с печалью в голосе. – Нравится вы мне, Аннис. И рассуждаете складно, а значит, в ваших словах есть толк. Не знаю, откуда вы все это взяли, но... мы попробуем. Обязательно. Тем более я начала припоминать, что когда мед заканчивался, Гаю вроде становилось легче. А как деверь снова его приносил – так все возвращалось. А я и подумать не могла!

Это был волнительный опыт, я словно вернулась в первые месяцы самостоятельной практики. Голова забита знаниями так, что трещит по швам, все путается, мысли мечутся, как бешеные пчелы. А реальные случаи мало похожи на описанные в учебниках.

Отблагодарили меня не только деньгами, но и дали с собой горшочек злосчастного меда, который Гай проводил печальным и голодным взором. У дома бабули я снова решила напомнить матери о важности соблюдения диеты. Знала, как людям сложно отказаться или хотя бы ограничить то, что они любят. Коснувшись локтя Бертины, я заговорила медленно, четко, смотря женщине прямо в глаза:

– Вы уж следите за ним, пожалуйста. От этого зависит его здоровье и даже жизнь. Сначала у него крапивница, кашель и насморк, а потом и вовсе может начать задыхаться.

Я не хотела запугать, просто предупредила. Бертина слушала с благоговением и ужасом на лице.

– Это очень важно, слышите? Ай! – я вскрикнула и потрясла кистью.

Дурацкая печать снова оживилась! Ну и пакость мне следователь поставил, а я еще и серебряную монету за нее заплатила. Да чтоб ему икалось!

– Да-да... ой, а что с вами такое? – женщина удивленно уставилась на меня.

– Комар, наверное, укусил, – я вымученно улыбнулась и сунула руку в карман.

Надеюсь, Бертина не заметила печать? Все-таки не хочется ею светить направо и налево.

Попрощавшись, я тихо прокралась в дом. Старушка Фанни была так добра, что взяла нас с Ликом к себе ночевать. Сама она улеглась на печке, а нам постелила в закутке, отделенном от кухни занавеской.

Наверное, Лик уже спит, вымотался за целый день, бедняга. Я остановилась на пороге и неслышно сдвинула штору. Но Лик не спал, в мутном свете единственной свечи он сидел на полу с напряженным лицом, держа дрожащие руки над кружкой, а над ладонями парил...

Водяной мячик.

Я поморгала – видение не исчезло. Из рта вырвался громкий вздох, мальчишка вскинул на меня испуганный взгляд, и вода обрушилась на пол, обдав его колени брызгами.

– Это не я разлил, оно само! – закричал Лик в панике и вскочил на ноги. – Сейчас все вытру, только не ругайся. Где тряпка? Где же тряпка?

Он беспомощно оглядывался по сторонам, и тогда я бросилась вперед, схватила его за плечи и слегка встряхнула, приводя в чувство. Хотя, признаться, сама пребывала в не меньшем шоке.

– Перестань, я не ругаюсь. Ты хоть понял, что сейчас сделал? – спросила как можно спокойней и мягче.

Он поднял на меня полный ужаса взгляд, худое тело дрожало, Лик готов был вот-вот расплакаться. Потом он странно обмяк, я и прижала его голову к груди. Господи, над ним дома что, издевались и нещадно лупили не только за шалости, но и за случайности? Бедный мальчик.

– Это не я, оно само, – пробубнил он упрямо.

– Я понимаю. Я... видела.

– Видела? – карие глаза доверчиво распахнулись.

Усадив мальчика на лежанку, я крепко стиснула его руку. Внутри бесшумной тенью проскользнул Уголек, сверкнул яркими глазницами и свернулся рядом с нами. Парнишка почесал его за ухом, и кот сладко замурчал.

– Никогда меня не бойся, я не собираюсь лупить тебя из-за ерунды. И из-за не ерунды тоже, – я проглотила вставший поперек горла ком. – Так ты, получается, маг? Мне можешь рассказать, я не выдам.

– Я не... не маг. Я не знал, что так умею... – он посмотрел на свои ладони так, будто увидел их впервые. – Такого раньше не было. Я просто подумал, а что, если смогу зачерпнуть воду, не касаясь ее? И... получилось.

В его голосе был намешан целый коктейль эмоций: изумление, страх и восхищение. Только недавно он говорил, как здорово быть магом, а тут сам оказался обладателем силы стихии. Что это, если не самое настоящее чудо?

– Да, получилось. И теперь тебе тоже придется явиться в академию, чтобы выяснить, как использовать свой дар.

– Как настоящий маг?

Он, как и я, все еще не мог поверить в случившееся. Несколько секунд сидел с застывшим лицом, а потом уголки губ дрогнули в улыбке.

– Ну ничего себе! Я буду магом!

– Тише, а то разбудишь бабушку Фанни, – я обняла его за плечи и поцеловала в висок. – Знаешь что? Давай мы закончим наш разговор завтра, утро вечера мудренее. Ты целый день провел на ногах, наверняка устал.

Лик послушно кивнул, а потом растянулся на лежанке, блаженно улыбаясь. Сон сморил мальчика очень быстро, уже через пять минут его дыхание выровнялось, а ресницы затрепетали.

Едва я заняла свое место, как ощутила пристальный кошачий взгляд. Котофей пялился на меня, даже не скрываясь.

– Ну, чего смотришь, Уголек? Что ты думаешь по поводу Лика?

Он сел, обняв хвостом лапы.

– А что тут думать. У мальчика проснулся магический дар, мрряю. Это и ежу понятно.

– Если у него водный дар, то почему вода его чуть не убила?

Мне это казалось странным. Но, может, кот знает ответ?

– Ну не убила же. Просто вызвала пробуждение спящей в его жилах магии. Возможно, в его роду много поколений назад были маги. Кровь могла долгое время не проявляться, такое бывает.

Этот мир с каждым днем становился все интересней и интересней. Сколько тайн и загадок он скрывает? Сколько еще мне придется разгадать?

– А ты можешь ему как-то помочь? Ты ведь фамилляр. Я слышала, что...

– Видишь ли, – беспардонно прервал меня усатый товарищ, – фамилляр с хозяином должны совпасть на очень тонком магическом уровне.

– Ты ведь всегда что-то чувствовал к нему, верно? Недаром же все время вертелся возле Лика и прибежал на берег, когда он начал тонуть?

– Может, и чувствовал. А может, он меня просто сметанкой подкармливал. Но все же слышишь меня ты, а не мальчик.

– То есть ты не станешь его фамилляром?

Уголек, лениво зевнув, пояснил:

– Обычно детишкам с только проснувшимся даром помогает кто попроще. Например, тиины.

– А кто это такие? Никогда о них не слышала. И не читала.

Кот усмехнулся в усы.

– Еще бы. Они живут в волшебных лесах, и наставники или родители отводят туда ребенка, чтобы он приручил своего первого тиинчика.

– Это значит, что Лику тоже надо раздобыть этого... тиина?

– Мяф! – кот издал звук, похожий на сухой смешок. – В волшебном лесу нельзя шастать всем желающим, он хорошо охраняется.

– А как тогда нам туда попасть?

– Я не слишком сведущ во всех людских делишках. Ты же в академию направляешься, вот там и спроси.

Кот удобно устроился в ногах Лика и замурчал, продолжая косить на меня желтым глазом. Мне и самой до смерти хотелось спать, но мысли не давали покоя.

– Уголек, а, Уголек? Может, тогда ты согласишься помогать мне? Я вроде как тоже маг. И, если я тебя слышу, то мы с тобой совпадаем, верно?

– Ты еще не заслужила, чтобы я стал твоим фамильяром. Я тебе не беспородный Пушок, а магический зверь, – заявил тот, гордо растопырив усы. – У меня есть своя воля, я сам выбираю, кому служить.

Вот упрямый котяра! И как заслужить его расположение? Испечь мышиный торт? Накормить сметанкой? Или он просто меня проверяет? Пока я размышляла, Уголек решил, что с него хватит разговоров – замолчал, отвернулся и засопел.

Лик застонал во сне и перевернулся на спину, раскинув руки. Я подошла и, наклонившись, убрала с лица волосы, погладила по голове. Спи спокойно, мальчик, все будет хорошо, я тебя не брошу и не обижу, а с магией разберемся.

И снова укол в ладонь! Я отдернула руку и сжала кулак. Да что ж такое?! У меня еще есть время, не надо меня подгонять. Не могу я за секунду телепортироваться в вашу столицу, как не могу и наплевать на окружающих и заняться решением только своих проблем.

Я взяла со стола свечку и попыталась рассмотреть печать. Узор мерно пульсировал, алые линии перетекали друг в друга и жили своей разумной жизнью. Не нравятся мне эти магические штуки, заставляют чувствовать себя абсолютно беззащитной перед ними. Все еще не могу поверить, что это происходит наяву. Где я, а где магия? Скажи мне кто-то неделю назад, что я попаду в фэнтези-мир, только посмеялась бы.

И все же странно она реагирует. Все разы перед ее пробуждением я касалась сначала малыша, потом Бертины и Лика. Может, именно в эти моменты магия пыталась вырваться наружу? Странно, даже очень. Но я обязательно это выясню.

Какое-то время я глядела в потолок, переваривая события, а потом усталость взяла свое, и я уснула, чтобы встретить новый день с новыми силами.

Глава 7

Груженная повозка медленно тащи́лась по дороге, увозя нас прочь от приветливой деревни. Рано утром мы тепло распрощались с бабулей Фанни, она передала нам с Ликом немного гостинцев и корзинку земляники от матери Малока.

Я бы могла остаться в Подлесной. Жила бы потихоньку, занималась медициной, но теперь на мне лежала ответственность за судьбу Лика, а руку жгла магическая печать, значит, я просто обязана попасть в академию. Даже не будь этих двух но, спустя какое-то время мне бы наскучила тихая однообразная жизнь, захотелось бы большего, я себя знаю. Всегда любила учиться и совершенствоваться, и теперь меня разбирало любопытство. А вдруг получится разжиться уникальными знаниями по магической медицине? Ведь лечить силой слова, мысли, прикосновением – это настоящая мечта.

Но просто бывает только в сказках. А сейчас мы держали путь на ярмарку в городок под названием Фонвилль.

Свесив ноги с края телеги и болтая ими в воздухе, Лик гладил Уголька. Мы пока не обсуждали случившееся, не получалось остаться наедине. Я рассудила, что сейчас лучше держать в тайне наши с Ликом способности.

– Ты когда-нибудь был в Фонвилле? – спросила я мальчика.

Он помотал головой.

– Нет. Я никогда не забирался так далеко от дома. Один бы я не осмелился, – он вскинул на меня серьезный взгляд и спросил: – Откуда ты, Аннис?

На миг я испугалась, что Лик догадался о моем иномирном происхождении. Я не была готова поделиться с ним своей тайной, не знала, как он отреагирует. Не сочтет ли сумасшедшей? Не испугается ли?

Некоторое время парнишка ждал ответа и, не дождавшись, терпеливо пояснил:

– Я вдруг подумал, что ничего о тебе не знаю.

– Вовремя вспомнил, что нельзя сбегать из дома с плохо знакомыми взрослыми? – я решила свести все к шутке, но он даже не улыбнулся.

– В тебе что-то такое... загадочное. Не могу объяснить, что.

У меня был опыт лечения детей, но не было опыта полноценного общения и воспитания. Однако я знала, что их не стоит держать за дураков, они понимают больше чем кажется и чувствуют фальшь.

– Я не помню, Лик. Я многое забыла.

Лицо его вытянулось от удивления.

– Забыла? Это как же так?

Что ж, я не вру, просто говорю часть правды. Я и в самом деле забыла, что предшествовало моему попаданию сюда. Но когда-нибудь, уверена, смогу разгадать эту тайну.

– А ты знаешь, какой сейчас год? Обычно у тех, кто как следует приложился головой... прости, Аннис... спрашивают какой год, где он находится, какой король сейчас правит. Если человек сможет ответить, то он не совсем сумасшедший. Ой, снова извини! – Лик прикрыл рот ладонью и уставился на меня.

– Да ладно тебе, я не сержусь. Сама знаю, что выгляжу и веду себя не совсем обычно. Кстати, а какой сейчас год?

Лик несколько секунд глядел на меня широко распахнутыми глазами, а потом искренне рассмеялся.

– Ну ты и шутница!

У меня аж от сердца отлегло. Фуух. Пока пронесло, но Лик не оставит попыток узнать обо мне больше, уверена. Может, стоит посоветоваться с Угольком? Но котяра бессовестно меня игнорировал, а я ведь накормила его с утра!

– Мррряуу! – словно почувствовав мой взгляд, лениво мякнул кот, а потом спрыгнул с телеги и скрылся из виду.

– Уголек! – позвала я, но Лик коснулся моей руки.

– Он нас догонит. Уголек часто куда-то уходит, но всегда возвращается.

– Ага, помню. Он гордый зверь и сам выбирает, кому служить, – сказала я себе под нос.

Через пару часов мы достигли Фонвилля. Я, считавшая городские автобусы адскими машинами, просто до этого дня ни разу не ездила в телеге. Даже дилижанс показался мне детским лепетом. Я чувствовала себя так, будто всю дорогу меня трясли, как погремушку. Отваливались руки, спина и даже пятки.

– Все милочка, приехали! – возница помог нам с Ликом слезть и подал вещи. – Через три квартала почта, там можно справиться о транспорте до столицы. Хорошей дороги!

Мы огляделись. Справа шумел рынок, горожане сновали туда-сюда, нагруженные покупками. Слева тянулся ряд лавок с яркими вывесками, под ногами – мощеная булыжником улица, дома и люди, будто сошедшие со старинных открыток.

– Ну что, – Лик поправил лямки походного мешка, – куда отправимся?

– Подожди-ка, – я пошла в сторону лавок, глаз зацепился за вывеску с набором непонятных букв, а вот на деревянной двери были изображены котел, три колбы, наполненные разноцветными жидкостями, и какая-то загогулина.

Нет, так не пойдет. Я должна обучиться грамоте, иначе закрепиться в этом мире и чего-то достичь нет шансов. Никто не воспримет всерьез невежду из деревни, к тому же женщину. Что-то мне подсказывает, что здешнее общество глубоко патриархально.

– Лик, ты умеешь читать? – спросила я с надеждой и ткнула пальцем в вывеску.

– «Маги-чес-кая ап-тека нейта Кас-тейна», – прочитал парнишка. – Дядя позволял нам с братьями посещать раз в неделю школу при храме Пресветлой Матери. А еще я считать умею.

– Отлично! Тогда идем! – я взяла мальчика за руку и потянула за собой.

– Зачем? – он послушно засеменил следом, но в глазах появилось сомнение.

Дверь лавки распахнулась, выпуская наружу солидного мужчину с седыми усами и круглым брюшком, а потом снова закрылась, словно давая понять, что там не место беднякам типа нас.

– Я просто обязана посетить магическую аптеку. Ни разу в жизни не видела ничего подобного!

Я уже загорелась, и меня было не остановить. Это отличный способ добавить в картину недостающий пазл, узнать о магии и мире, в который я попала. И я ни за что его не упущу!

Колокольчик мелодично зазвенел, оповещая хозяина о нашем приходе. В нос ударил запах трав и благовоний, и я застыла, оглядываясь по сторонам. Странно, изнутри аптека казалась больше, чем снаружи. Стены занимали полки с аккуратно расставленными пузырьками, глиняными горшками и колбами. Там были и банки со странными шевелящимися отростками, прямо на меня смотрел чей-то глаз, а дерево в углу вдруг встряхнуло ветками и попыталось схватить меня за ногу.

– Чем могу помочь? – из-за стойки вышел нейт Кастейн в больших круглых очках.

Низенький и сухой, но взгляд был живым и заинтересованным, а улыбка – приветливой.

Я на секунду растерялась, потому что сама не знала, что именно нужно. Хотелось всего и сразу, откровенно говоря.

– Тут такое дело, я бы хотела посмотреть, что из магических лечебных средств имеется в наличии. И узнать, как они работают.

Аптекарь усмехнулся, глядя на меня снисходительно.

– А поконкретней, милочка? Есть от ревматизма и косоглазия, есть от женских недомоганий и живота, – он зашуршал по полкам и вытащил на свет склянку с желтым порошком. – От простуды очень хорошо помогает! Пыльца лиманских бабочек, сам собирал.

Я поднесла пузырек к глазам и посмотрела на просвет. Золотистые пылинки кружили за стеклом в известном им одним танце.

– Это настоящее? – спросила с сомнением, на что аптекарь оскорбился.

– Обижаете! Я сорок лет работаю в этой аптеке, многие средства изготовлены моими руками, а есть даже новые разработки, например, лекарства от Сальвадора Эйле. И даже его пенициллин!

Услышав знакомое слово, я остолбенела. Неужели здесь открыли антибиотики? И даже название такое же, как в моем мире. Пенициллин... Ну надо же! Интересно взглянуть на этого нейта Эйле.

– У вас на руке печать? – удивился пожилой аптекарь. – Вы магичка?

Я смутилась и сжала пальцы в кулак.

– Мой дар пока толком не проявился, но теперь мне надо явиться в Академию магии и пройти процедуру... – я снова зависла, не зная даже, что там со мной будут делать.

Но на помощь пришел нейт Кастейн.

– Процедура открытия и определения дара, естественно! Вам повезло, обычно у взрослых дар почти никогда не просыпается. Если он и есть, то проявляется в детстве.

Следующие полчаса я слушала познавательную лекцию о назначении пузырьков и бутылочек с разноцветными этикетками и, несмотря на то что мне до конца не верилось в решение всех проблем магией, было интересно. Глаза разбегались от обилия наименований, но в этом аптечном царстве я чувствовала себя на своем месте, а Лик стойко ждал и терпел мои причуды. Парнишке слова старого господина были не слишком интересны, зато он разглядывал живое деревце.

– А плоды живолиста укрепляют здоровье и избавляют от кишечных колик. Скоро он зацветет, и уже через пару месяцев можете снова ко мне наведаться. Как раз созреет, – объяснил аптекарь.

– Сейчас я бы хотела взять пенициллин.

И изучить его действие. Нет, любопытство теперь сожрет меня с потрохами, даже не думала, что встречу в этом мире что-то знакомое. Но вдруг это не тот антибиотик, что я знаю?

Когда нейт Кастейн назвал цену, я поняла, что с этого момента придется потуже затянуть пояса. Как бы до столицы денег хватило, но если в дороге что-то случится? Если мы с Ликом подхватим инфекцию или отравимся? Лучше иметь при себе хоть какое-то лекарство.

Лик незаметно наступил мне на ногу и прошептал:

– Ты что? Это же сплошное расточительство!

– Не волнуйся, у меня все под контролем. Почему некоторых называют нейт? – поинтересовалась я у Лика.

Когда мы вышли на улицу, в мешке покоилась заветная бутылочка.

– Ты что, не знаешь? Нейт и нейра – это обращение к высокородным господам.

– Ах да, точно, – пробормотала я. – Просто забыла.

Внезапно, когда мы шли вдоль торгового ряда, раздался шум и оглушительный кошачий мяв.

– Смотри, Аннис, это же Уголек! – воскликнул Лик и припустил вслед за котом.

– Отдай, паршивец! – за котярой с метлой в руках гнался здоровый мужик, в его отнюдь не мирных намерениях сомневаться не приходилось.

Уголек же, не расставаясь с сосисками даже под угрозой позорной смерти, улепетывал со скоростью урагана. Этот гордый благородный зверь воровством промышляет, однако. Ну

задам я ему, только сначала догоню! Кот забился в тупик между домами и заметался вдоль высокой стены, а на него уже надвигался грозный силуэт обворованного торговца.

– Сейчас собак спущу! Или хвост оторву, мерзавец!

– погодите, не надо, это мой кот и я заплачу! – остановила я гневно размахивающего кулаками мужика. Его лицо покраснело, казалось, вместо кота сейчас он накинется на меня. – Не сердитесь, господин хороший, это животное бешеное и не совсем понимает, что делает.

Я улыбнулась, как мне показалось, обворожительно, и злобный дяденька самую малость оттаял. По крайней мере, метлу опустил.

– Следить надо за своим блохоносцем, чтобы честных людей не обкрадывал! – попенял мне с обидой.

– Уголек не блохастый, – вступился Лик.

Мальчик тяжело дышал после быстрого бега.

– Ну вот, мы сразу могли решить все полюбовно. Я знала, что такой большой и сильный мужчина не станет обижать котиков, – произнесла я. Ох, хоть бы он не принял мои слова за издевательство. – Так сколько с меня?

Во избежание проблем у «блохоносца» я, скрепя сердце, оплатила украденные сосиски, а Лик, взяв голодного и растрепанного воришку на руки, вздохнул:

– Совсем мало денег осталось.

– Ничего, зато Уголек цел, – последнее слово я произнесла угрожающе, глядя на кота с намеком.

«Будешь должен, блохастик».

Показалось, что тот усмехнулся в усы.

«Ладно-ладно, не злись. А сосиски вкусные, спасибо», – ответил мысленно, заставив меня в очередной раз подивиться чудесам магии.

«Так значит, ментально мы с тобой тоже можем общаться? Не только голосом?»

«Пфф! А ты как думала? Ты еще много не знаешь».

Его фраза преследовала меня все время, что мы ходили вдоль рядов и прилавков со всякой всячиной. Что еще мне предстоит узнать? Это и пугало, и будоражило одновременно.

Решив купить нам с Ликом по сочному красному яблоку и уже собираясь расплатиться, я протянула руку к мешочку с деньгами... и нащупала пустоту. Нет, не может быть! Как же так?! С отчаяньем ухватилась за конец аккуратно перерезанного шнура и несколько секунд тарасилась на него, не в силах поверить.

– Нас обокрали, – печально констатировал Лик, а хозяйка лотка глянула с сочувствием.

– Что ж вы, милочка, за добром своим не следите? Или не в курсе, сколько воришек на ярмарках промышляет?

Отлично! Я прозвала последние деньги, и нам с Ликом нечем оплатить проезд до столицы, а еды хватит только на один день. Мне надо срочно брать себя в руки и переставать быть такой наивной растяпой. А то в следующий раз голову украдут, а я и не замечу.

– Я могу попроситься грузить телеги или убирать уголь. Может, удастся заработать немного, – мой юный спутник ободряюще улыбнулся. – Не горюй, Аннис.

– Ценю твоё рвение, но погоди геройствовать, – сказала, отводя его в сторону. В голове закрипели шестеренки, генерируя очередную гениальную идею. – Я планирую воспользоваться своими знаниями для заработка, только для начала надо решить, где найти первых клиентов. У тебя есть идеи?

Лик почесал голову, и лицо его просветлело.

– Если тебе нужны клиенты, лучше всего поискать их в таверне! По крайней мере, хозяева все про всех знают и могут подсказать.

Я согласно кивнула, чувствуя и волнение, и предвкушение. Мы как раз проходили таверну под названием «Хрустящая корочка».

– Давай сначала заглянем туда!

И надеюсь, нас оттуда не выгонят, как шарлатанов. Уж кто-кто, а педиатры точно всегда нужны!

Глава 8

Мне понравилась идея Лика, потому что в таких местах крутятся все городские сплетни. Перед посещением «Хрустящей корочки» мы ополовинили запасы провианта, не одному же Угольку живот набивать? Да и ребенка покормить надо. Конечно, сам Лик себя ребенком не считал, но для меня, тридцатилетней, он таковым и являлся.

В таверне царили чистота и порядок, а под потолком витали ароматы свежего хлеба и супа. Я зря опасалась, что заведение будет похоже на грязные трактиры из романов и фильмов, где бородатые мужики гремят пивными кружками и щиплют подавальщиц за мягкие места. Здесь обедали и женщины с детьми, и уютно болтали старушки в кружевных чепчиках, обсуждали какие-то важные дела хорошо одетые господа.

Заметив нас, хозяйка, полная женщина лет пятидесяти, оживилась. Заправила под косынку выбившиеся светлые пряди, отряхнула фантомную пыль с белых нарукавников и улыбнулась.

– Чем могу служить? У нас есть свежее рагу из баранины и чудесные малиновые пирожные. Желаете попробовать?

Я улыбнулась в ответ и, наклонившись к ней поближе, изложила цель нашего визита. Хозяйка слушала внимательно, время от времени кивая и автоматически протирая и без того чистую столешницу полотенцем.

– Значит, ищите, как подзаработать? Смыслите в целительстве? Что ж, это полезное умение...

Кажется, наш разговор услышал один из сидевших неподалеку мужчин, потому что картинно схватился за грудь и простонал:

– Ой, не могу, сердце болит, разрывается просто!

Что, неужели человеку стало плохо? Я сперва испугалась и хотела ринуться на помощь, но тот продолжил, сбив мне весь настрой:

– Спасите-помогите, сейчас умру от вашей красоты!

Лик бросил в его сторону хмурый взгляд, а я закатила глаза к потолку. Все ясно, обычный симулянт.

– Пропишите мне пиявок, дорогая, а лучше исцелите своей любовью! У меня и деньги водятся... ах ты, блохастое отродье! Оно меня укусило! – любвеобильный господин или, как тут говорят, нейт подскочил на стуле, а я увидела вылетевшую в приоткрытую дверь черную молнию.

Кажется, Уголек возревновал и решил отстоять мою честь по-своему. Хорошо, хоть лапу на обидчика задрать не додумался. Бабульки за столом неодобрительно заворчали, товарищи нейта рассмеялись, а смутившийся шутник покраснел и принялся скорей наворачивать свой обед.

– Любовь в другом квартале ищут, а у меня приличное заведение! – напомнила хозяйка, а потом повернулась ко мне: – Зовите меня тетушка Марта, дорогая. А можно узнать, у вас лицензия есть? Или вы не входите в лекарскую гильдию?

Еще одна промашка, скоро буду их в блокнот записывать. Только писать научусь. Надо было догадаться, что по примеру прошлых веков тут существуют профессиональные гильдии и сообщества, я же намеревалась практиковать «из-под полы». Интересно, это вообще законно?

Уловив мое смятение, женщина сочувственно улыбнулась и взяла меня за руку.

– Знаешь что, милая, сходи-ка ты в госпиталь Благой Алоры, он на Зеленой улице находится. Там лечат детей, по большей части сирот и внебрачных. Лишние руки не мешают, но сомневаюсь, что платят много. Зато у меня там брат служит секретарем главного лекаря, скажи ему, что от Марты. Пускай проведет потолковать со своим начальником. Глядишь, и повезет.

– Спасибо за помощь, тетушка Марта. Не забуду вашу доброту.

Женщина расплылась в улыбке.

– Похвальное желание работать, а то современная молодежь только ищет, где бы потеплее устроиться и ничего не делать.

Как знакомо! Сколько бы лет ни прошло, старшее поколение всегда будет ругать невоспитанную и ленивую молодежь.

– Может, все-таки пирожное?

Я вежливо отказалась, сказав, что мы не голодны. Ведь в том, что проворонила кошелек, я так и не призналась, не хотелось давить на жалость. Еще раз поблагодарив хозяйку «Хрустящей корочки», мы с Ликом покинули заведение.

– Интересно, где этого бродягу носит? – я огляделась по сторонам в поисках Уголька.

А сама пыталась понять, что помню из истории медицины и организации больниц и госпиталей в прошлых столетиях. Конечно, не стоит сравнивать два совершенно разных мира, но свой можно взять, как ориентир, и в случае чего предложить главному лекарю несколько интересных решений.

Да, задерживаться здесь долго я не могу, злобная печать покоя не даст, но это очередной шанс узнать о новом мире и состоянии местной медицины. Уверена, я смогу оказаться полезной, главное, чтобы мне поверили и восприняли всерьез.

Пока я мечтала и строила планы, Лик внезапно наклонился и с торжествующим видом вскинул вверх руку.

– Аннис, погляди, как нам повезло! Ты свой кошелек потеряла, зато я другой нашел!

Парнишка сиял радостной улыбкой, вертя в пальцах потертый кожаный мешочек. Меня сразу охватило тревожное предчувствие, я хотела цыкнуть на Лика и заставить выбросить находку, но не успела. Из толпы на него вихрем налетел незнакомец и схватил за ухо.

– Ах ты, карманник! Там было двадцать серебряных монет, если хоть одной не досчитаюсь, ухо отрежу! И пальцы тоже!

Судя по потрепанному виду, запаху и лицу с отпечатком недавних возлияний, таких денег у этого человека отродясь не водилось. В нашем мире тоже существовало немало мошенников, которые нарочно подбрасывали кошельки, а потом требовали деньги, которых там не было. Выбирали жертв попроще, брали агрессией и напором, и некоторые попадали очень крупно.

Пока народ не успел взволноваться, стараясь не привлекать к нам лишних взглядов, я перехватила смуглую жилистую руку и стиснула запястье изо всех сил. Пальцы разжались, и мужик выпустил испуганного Лика. Сама не знаю, откуда во мне взялось столько злости, от нее перехватило дыхание и потемнело в глазах.

– А ты... – заикнулся рыночный жулик.

– Он ничего не брал, – прошипела я, глядя в темные и хитрые глаза. – Извинись, ты сам уронил свой кошель.

Гнев все не утихал, рука, казалось, покрылась огнем до самого плеча. Несколько секунд шла борьба взглядов, а потом мужик ошалело моргнул.

– Эээ... – выдавил, а к нам тем временем подступили два крепких парня.

– Что здесь случилось? – спросил меня тот, что постарше.

– Этот нейт обвинил моего брата в воровстве, – стиснув напоследок запястье и оставив на нем отпечатки ногтей, я отбросила чужую руку и вытерла ладонь о юбку.

– Извините, я сам его потерял, – безэмоционально произнес мошенник.

– Вот именно, – я обняла Лика за плечи и потащила прочь.

Ноги плохо слушались, внутри все тряслось и дрожало, а сердце билось часто-часто.

– Аннис, что это было? Как ты это сделала? – Лик перевел на меня испуганный взгляд, и только тогда я поняла, что случилось.

Этот прожженный плут меня послушал. Не стал голосить, что я вру, не стал отпираться, он просто взял и... согласился. Отойдя в тень между двумя домами, я прислонилась спиной к стене и перевела дух.

– Даже я испугался тебя, – Лик коснулся моего лба. – Ты такая бледная. И холодная...

– Я не знаю.

Казалось, что солнце светит слишком ярко, даже слезы на глазах выступили. А рука все не прекращала болеть. Развернув ладонь, я взглянула на печать: она как будто побледнела. Почесала краешек узора ногтем – крошечный завиток стерся в пыль, словно был нанесен сухой краской.

– Кажется, это магия, – шепотом произнес парнишка. – Но тебя же ограничили?

Сама не понимаю. Печать бракованная? Если это действительно магия, то сейчас она спасла нас от неприятностей. Но наверняка есть и другая сторона, опасная, о которой я ничего не знаю. И да, я не могу все это контролировать.

– Знаешь, с такими талантами ты можешь сама забрать кошелек у кого угодно, – продолжать шептать Лик.

Я вспомнила прошлые случаи пробуждения печати, тогда взгляды тех, кого я пыталась в чем-то убедить, что-то внушить, на краткий миг становились такими же стеклянными, как у мошенника.

– Я никогда так не сделаю.

– Знаю, Аннис.

Вся эта магия пугает и дарит лишь иллюзию собственной силы. А если я успею натворить бед и кому-то навредить? И где Уголек бродит, когда он нужен?! Пока что у меня нет выбора, хочешь не хочешь, надо лучше следить за собой, раз печать плохо удерживает дар.

Это была минута слабости, когда я, как и в первый день, ужасно захотела домой, где все просто и ясно. Но потом посмотрела на мальчика, доверяющего мне всецело, и ощутила, как сжатая пружина в груди расслабляется, а сердце бьется ровнее. В конце концов, нам надо наведаться в госпиталь и решить, где переночевать.

Медленно выдохнув, я притянула удивленного Лика к себе, обняла его, и постояла так минуту. О ногу что-то потерлось. А вот и кот блудный вернулся!

«Подселенка в чужое тело опять опять магией балуется, хотя ей это запрещено, мрря-яу?» – раздался ехидный голос в моей голове.

Было не до шуток, поэтому я подхватила тяжелого объевшегося Уголька, который сразу издал протестующий мяв, и потрепала его по загривку.

«Попробуй еще раз сбеги, морда усатая! Ты у меня в долгу, сейчас будешь все объяснять!»

«Ладно-ладно, не надо меня тискать, я же только поел!» – возмутился котофей.

Мы двинулись по улице. Я дала Лику задание работать навигатором, спрашивая у прохожих направление, и мальчик с радостью бросился исполнять.

«Вкусные сосисочки были, да? А теперь скажи на милость, что со мной происходит? Почему моя магия странно влияет на людей?»

«Потому что это магия», – лениво протянул Уголек, а я обошла глубокую лужу на дороге.

«Логично. Только ничего не понятно. Почему тот человек повторил мои слова?»

Фамильяр вздохнул, будто на его плечах лежала вся тяжесть этого мира. Наверное, он уже на пенсию хотел, отдохнуть от всяких магических делишек, а тут ему на голову свалилась попаданка и чего-то требует.

«Возможно, ты владеешь какой-то разновидностью ментальной магии, она позволяет влезать в чужую голову и подчинять своей воле».

Вдоль спины пронесся холодок, и я крепче сжала пушистую тушку.

«Но следователь поставил мне специальную печать, которая ее ограничивает. Почему так происходит?»

«Здесь только два варианта: либо печать слишком слаба, либо магия слишком сильна».

Слишком сильна? Я задумалась и едва не налетела на прохожего, Лик взглянул удивленно, но ничего не сказал. Мы отходили все дальше от торговых рядов, однако любоваться городскими достопримечательностями не тянуло, мысли были заняты иным.

«Менталисты могут видеть чужие воспоминания, менять их, стирать или создавать подложные. Внушать, манипулировать разумом как чужим, так и своим, – перечислял кот. – Угадывать желания тех, кому недоступна речь. В общем, такие вот пирожки с котятами, дорогая моя Аннис», – закончил Уголек и сощурил глаза.

В голове постепенно начало проясняться.

«Скажи, а были ли целители с ментальным даром?»

«Ментальный дар сам по себе редкий, а в сочетании с целительством тем более. Вроде я слышал о таких магах, наверняка они оставили после себя письменное наследие».

И чтобы изучить их труды, опять-таки надо научиться читать.

– Лик, у меня к тебе новое невероятно ответственное и важное задание, – произнесла я торжественно. – Будешь учить меня грамоте.

– Да из меня такой грамотей! По три ошибки в каждом слове. Зато считать я хорошо умею. Я быстро считал овец в стаде и сразу замечал, если какой-то не хватало, – смеясь, начал мальчик, но, видя мою решимость, посерьезнел и кивнул. – Хорошо. Я расскажу все, что знаю сам.

Получается, если я смогу проникать в голову, это позволит общаться с маленькими детьми, которые не умеют разговаривать и не могут сказать, что у них болит. Или понимать немых. Этот вид магии открывает поистине огромные возможности и, если связать их с целительством...

«Интересно, меня не накажут за то, что я немного сломала печать?» – взгляд упал на подпорченный рисунок на ладони.

Толстое пузо Уголька задергалось – он беззастенчиво хихикал!

«Да ладно! Самое страшное – сведешь кого-то с ума своим вмешательством в голову. Ну отсидишь в темнице срок, потом выйдешь и опять за старое. Ты молодая еще, неопытная. С кем не бывает?»

«Спасибо, обнадежил!»

Да уж, на каждом шагу приключения! Зато смогу писать пособия по выживанию для попаданок в иные миры.

Все так же властно прижимая к себе тяжеленного Уголька, который вздумал, зараза, еще и мурчать, я под руководством Лика добралась до Зеленой улицы. Тут и правда было зелено: вдоль дороги тянулась живая изгородь, разбавленная свечками хвойных деревьев. Дома жались друг к другу, как замерзшие воробьи, куда-то спешил разносчик газет в кепке набекрень, а у крыльца нищий горланил песню, собирая подаяние.

– Нужно будет разузнать, сколько стоит проезд до Флейвинга.

– Я сбегая на почтовую станцию, не переживай, Аннис. Но что будет, когда мы явимся в столицу? – спросил Лик тревожно и посмотрел на меня серьезными карими глазами. – Вдруг скажут, что простолудин не должен владеть магией? Вдруг меня... – он сглотнул ком в горле, – лишат ее навсегда?

Я помнила, с каким восторгом парнишка рассказывал о магах, он втайне мечтал стать одним из них. И, когда мечта оказалась так близко, Лик просто испугался.

Я помотала головой.

– Не бойся, что-нибудь придумаем. В конце концов, за несколько лет можно насобирать денег на твою учебу в Академии.

Лик глянул на меня со снисхождением, как на мечтательницу, которая ничего не знает о реальной жизни. Ну на самом деле я даже приблизительно не знала, сколько будет стоить такая учеба.

– Как говорится, попытка не пытка, руки опускать нельзя, даже если хочется. Ты способный и умный мальчик, они глянут на тебя и сразу скажут: «Берем!»

Я говорила так эмоционально и весело, что Лик волей-неволей заулыбался. Он успел хлебнуть горя за свою пока еще недолгую жизнь, и я искренне желала ему счастья.

– Главное, чтобы нас не разлучили. Остальное переживу, – заверил он. – Представимся дальними родственниками, если спросят.

В конце улицы мы, наконец, отыскали госпиталь Благой Алары. Здание было двухэтажным и старым, проржавевшие ворота болтались на одной петле, и встречал нас лишь сонный дворник.

– Вы куда? – прокаркал старик и заспешил к нам, сжимая древко метлы. Остановившись, придирчиво осмотрел Лику. – Мальчику нужно лечение? Что-то не похож он на больного, вон румянец во всю щеку.

– Я хотела...

Меня прервал Лик. Он схватился за живот и демонстративно закашлялся, вынудив беднягу-дворника округлить глаза и резво отскочить.

– Нечего на меня кхекать! Быстро проходите, вон дверь! – махнул рукой и затрусил прочь, боязливо оборачиваясь.

– За такие фокусы можно было и метлой отхватить, – предупредила я хихикающего мальчугана.

– Ну прости... а ты видела его глаза? – весьма довольный собой, Лик потянул меня к крыльцу.

– Какой же ты еще ребенок, – вздохнув, я последовала за ним.

Уголька пришлось оставить на улице, но пушистый разбойник не расстроился – побежал охотиться на птиц.

Внутри дежурила апатичная пожилая женщина в белом чепце и переднике.

– Мне нужна работа на время, – сообщила я после приветствия. – Могу я переговорить с главным врачом или его секретарем?

– Да, потому что я здесь ничего не решаю, милочка, – она мазнула по мне взглядом. – Главный сейчас отсутствует, но секретарь на месте. Я проведу.

Мы пошли по коридору, пропитанному ароматами болезни и лекарственных настоек. Из приоткрытых дверей палат неслись то детский плач, то кашель. Женщины, похожие на нашу провожатую, сновали туда-сюда. Их одеяние напоминало форму сестер милосердия из прошлых столетий.

– Рабочие руки нам всегда нужны. Здесь по большей части внебрачные детишки и отказники. Сами понимаете, мало кто хочет иметь с ними дело, – сказала женщина, поводя плечами.

И ее усталый печальный тон, и окружающая обстановка заставили сердце сжаться. Нас всегда учили отгораживаться от чужих бед, сохранять беспристрастность и холодный рассудок, но, имея дело с маленькими пациентами, я не могла не сострадать им.

Наконец мы остановились у одной из похожих друг на друга дверей. Провожатая вошла первой, сухо сообщила о посетительнице и так же быстро оставила нас наедине с секретарем.

– День добрый, – он усмехнулся и поправил густые черные усы. – Зачем пожаловали?

На вид этому человеку было лет сорок, глубоко посаженные глаза смотрели пытливо, а пальцы барабанили по заваленному бумагами столу. Я испытала невольную робость, никогда не умела наглеть и открывать двери с пинка, предпочитая всегда сдержанную вежливость. Но в этом мире придется стать жестче, ведь наглость – второе счастье!

– Меня к вам направила Марта, – начала твердо. – Ваша сестра сказала, что в госпитале можно найти работу на несколько дней, дольше задерживаться, увы, не могу. Я имею опыт по уходу за детьми и их лечению, к делу подхожу добросовестно.

Жаль, не могу подтвердить это никакими документами, только практикой.

Секретарь удивился.

– Неужели? Какая ты деловая, милочка. У нас тут не рынок, а госпиталь. Набегами работать не получится.

– Да вы знаете, она мне жизнь спасла! – Лик вышел вперед, не успела я моргнуть. – Когда я утонул, она вдохнула в меня воздух, вода вышла, и я очнулся. А еще она – магичка!

Ну, после такой мощной рекламной кампании меня просто обязаны взять. Мужчина слушал, приподняв бровь. К концу пылкой речи моего маленького спутника насмешливая улыбка сползла с губ секретаря.

– Это правда? Вы магичка?

Вот, уже и уважения в голосе добавилось. Вздыхнув, я рассказала все, как есть: и про печать, и про Академию, и про кражу кошелька.

– Сейчас для лечения я не использую магию, но обучение в планах. Пока работаю по старинке, своими руками.

Несколько томительно долгих секунд мой собеседник потирал подбородок, раздумывая. Пальцы не прекращали отстукивать ритм по столешнице.

– Повезло, что вас направила моя дорогая Марта, обычно мы не берем людей без рекомендаций. Зовите меня нейт Ловис. Я отведу вас к нейре Бовилл, она у нас заправляет всем женским коллективом. Она посмотрит на ваши умения и доложит, стоит ли вас брать. Конечно, оставлять работника на несколько дней очень странно, однако я понимаю вашу ситуацию. Было время, когда мне самому приходилось туго, – тут взгляд его снова упал на Лика. – А кто этот мальчик?

– Это мой братец. Мы вместе, – я положила руку ему на плечо.

– Прекрасно, для него тоже найдется легкая, но важная работа. У нас со вчерашнего дня некому выносить горшки.

Судя по обреченному выражению лица, Лика совсем не прельщала такая перспектива, но ради меня он был готов снести и тяжкий труд санитара.

– К работе нужно приступить сегодня. Платим мы немного, госпиталь не располагает большими средствами. Но проезд в почтовых каретах по карману даже беднякам, вам должно хватить до столицы. Прежде у нас не было ни одного мага, и заполучить его – большая удача. Если сработаемся, после вы можете вернуться в Фонвилль, оформить членство в гильдии, получить документ и официально устроиться в госпиталь Благой Алоры.

Я мысленно застонала. Похоже, в любом из миров без бумажки ты... это самое. Но ничего, я пережила первые дни, значит, не все так плохо. Прорвемся!

Глава 9

Нейра Бовилл оказалась строгой женщиной средних лет с громким, почти мужским голосом, которым она отчитывала молодую бледную «медсестричку». Так я мысленно окрестила работниц госпиталя. Когда нейра закончила свою речь, и ее подбородки перестали дрожать, взор суровых очей обратился на меня. Эта женщина до боли напоминала вахтершу из моего бывшего университета.

– И кто это тут у нас? – сощурилась так, будто подозревала в краже номерка из гардеробной.

– Меня зовут Аннис. А это мой брат, Лик, – представила я нашу компанию.

Женщина кивнула.

– Нейт Ловис все о вас рассказал. Я главная благая сестра этого госпиталя, тут все мне подчиняются. На всякий случай предупрежу: мои поручения исполняются четко и беспрекословно. Даже то, что вы якобы магичка, – подчеркнула она едко, – не дает вам права задирать нос или своевольничать. А еще – белоручкам у нас не место. Если думаете бежать, то делайте это сразу.

Похоже, нейру здесь все боятся. Она четко обозначила свои позиции и, кажется, намерена спустить с меня три шкуры.

– То, что мы пришли сюда, уже говорит о серьезных намерениях, уважаемая нейра Бовилл.

Секретарь обмолвился, что главная сестра происходит из нищего дворянского рода, поэтому ей пришлось работать. Она, как и прочие женщины здесь, не училась лекарскому искусству, а просто исполняет предписания.

– Так, для мальчишки тоже работенка найдется. Эй, Белла, тебе в помощь! – она махнула одной из молодых сестер, и та увела затравленно оглядывающегося Лика.

– Держись, друг мой. После госпитальных ужасов ты с полным правом сможешь называть себя мужчиной, – шепнула я ему на прощание.

– Сейчас мы направимся в крыло для самых маленьких. Надо будет покормить, переодеть, сменить постели и дать лекарства, – Бовилл описывала фронт работ, пока мы шли по длинному полутемному коридору.

Мимо прошаркала старушка с ведром и шваброй, а я вдруг ощутила резкий и неприятный запах извести. Сначала ничего не поняла, но потом меня озарило: они что, используют хлорную воду для дезинфекции? В этом мире уже знают о свойствах хлорноватистой кислоты? Возможно, все не так плохо, как я думала поначалу.

В подсобном помещении мне выдали передник и чепец благих сестер, волосы я заплела в косу и убрала под платье.

– Порой к нам захаживают богатые и благородные женщины. Желая прослыть в обществе милосердными, они возятся с больными и берут с собой дочерей, – нейра Бовилл хмыкнула, показывая, что думает об этом. – Чаще всего это доброта напоказ. Ведь всем известно, что девушка, которая проявляет внимание к чужим детям, станет хорошей матерью. Иногда это помогает отыскать достойных женихов.

– Я не благородная нейра и не ищу жениха. Мне просто надо заработать немного денег.

С губ женщины сорвался очередной саркастический смешок.

– Обычно молодые девушки, желая подзаработать, выбирают более простые способы.

– Сомневаетесь в моих моральных качествах? – спросила я с вызовом.

– Ох, нет, милочка. Но чувствую, что зубки у тебя острые, – она погрозила пальцем. – Смотри не обломай.

Какая вредная тетка! Захотелось ответить в том же духе, но я лишь недовольно поджала губы. Ладно, моя цель – не поругаться. Придется потерпеть, и кто знает, быть может, уже сегодня Бовилл станет разговаривать со мной по-другому.

Мы зашли в, с позволения сказать, «палату», где в деревянных кроватках лежали малыши до года. Я насчитала двадцать, не меньше. Кто-то кряхтел, кто-то кашлял и хныкал, кто-то тихонько возился в пеленках. Пожилая сестра складывала грязное белье в таз, меня она окинула заинтересованным взглядом, а после, подхватив свою ношу, вышла за дверь.

– Так, – нейра Бовилл потеряла крупные ладони. – Приступаем. Я буду их кормить, а ты переодевай и меняй белье у тех, у кого не успела сменить Адель. Потом выполним предписания лекаря, им всем нужна микстура от кашля.

В ответ я недоверчиво посмотрела на нее. Всем одинаковое лекарство? Что ж, я еще посмотрю, что там за микстура, что с этими детьми и верно ли поставлены диагнозы.

Едва мы приступили к делу, как нейру Бовилл куда-то позвали, и я осталась в палате одна. В отсутствие этой женщины даже дышать стало легче. Первым делом приоткрыла оконные створки, чтобы проветрить душное, пропахшее детскими испражнениями помещение. На улице стояла солнечная безветренная погода, так что простудить маленьких пациентов я не боялась.

К хору детских всхлипов присоединился оглушительный крик – один из малышей проснулся и тут же разразился громким плачем. Он сильно вспотел, и я поспешила его раскутывать. Мальчик выглядел месяца на три-четыре, был худеньким, нервным и слабым. Чувствуя смутную тревогу, я осмотрела его и обнаружила, что еще и окостенение родничков запаздывает, и кожа не совсем здоровая, а специфический запах пота добавил подозрений.

Во время моих манипуляций мальчуган кричал так, что закладывало уши. Взяв ребенка на руки, я присела на табурет и попыталась успокоить, но это не принесло результата. Зато в открытое окно проскользнул Уголек и сел возле моих ног.

– Чем занимаешься, мрряу? – спросил, лениво зевнув.

– Работаю, как видишь. Это ты бездельник и воришка.

Кот лишь фыркнул.

– Чего этот детеныш так орет?

– Его тревожат боли, – я с жалостью погладила мальчика по голове. – Надо будет сообщить нейре Бовилл, а лучше кому-то чином повыше. Ему нужно особое лечение.

– А что насчет магии?

– Напомню, что я пока с ней не разобралась. Я вообще не знаю, что делать и как с этими силами обращаться. Тем более не уверена, что такую проблему можно решить, лишь взмахнув волшебной палочкой или пробормотав набор слов.

Больше всего я боялась навредить. Самое страшное – это увидеть, как из-за моего неосторожного вмешательства ребенок закрывает глаза и перестает дышать. Просто кошмарный сон.

– Хотя бы попытайся, ну. Я не дам тебе перестараться. Помогу, так и быть.

– Нет, отстань от меня. Сам говорил, что я могу угодить в тюрьму.

– Ну давай, давай. Ты что, трусиха?

Уголек все подначивал меня, соблазнял, гипнотизировал своими колдовскими глазами, потирался о лодыжки мордой. А потом прислонился теплым боком к ноге и замурчал.

Не знаю, почему поддалась. То ли сама внутренне этого хотела, то ли кот обладал даром внушения, но я положила ладонь на головку малыша и попробовала почувствовать в себе что-то... какое-то странное тепло, занимающееся в груди. Оно пульсировало в такт биению сердца и отдавалось уколами в ладони – более слабыми, чем прежде. Чтобы полностью сосредоточиться на этом ощущении, я закрыла глаза и прогнала из головы лишние мысли.

Я думала о том, что хочу найти источник боли и окутать его ласковым теплом, шептала слова утешения, пока крик не стал утихать. Все это время Уголек терся о мои ноги и тархтел, будто трактор.

Открыв глаза, я обнаружила, что малыш больше не плачет, а рассматривает меня огромными серыми глазами и тянет ручку к лицу.

– Окна зачем раскупила?! – раздался окрик нейры Бовилл, и я вздрогнула. – Детям нельзя охлаждаться!

– Здесь дышать невозможно, воздух должен циркулировать, на дворе лето, – я поднялась, аккуратно прижимая к себе малыша. – Больным нужно проветривание, чтобы в помещении не скапливалась зараза.

– Откуда ты только взялась такая умная? – она бросилась к окну, но чуть не запнулась о собственные ноги. – А животина что здесь делает?! – Бовилл уставилась на царственно сидящего на полу Уголька, ее глаза медленно наливались кровью. Но тот и ухом не повел.

– Это мой помощник.

– Да неужели? И как он тебе помогает? Слякки подает? Или молоком детей кормит?

– Уголек – волшебный кот, – пояснила я спокойно.

Бовилл цыкнула.

– Вся эта магия – не больше чем ярмарочные фокусы. А настоящих магов по пальцам можно пересчитать, и они явно не залетают в наш госпиталь. Скажу Ловису, чтобы выгнал тебя, мне здесь не нужны...

– Зато ребенок успокоился, – я кивнула на малыша в своих руках, и лицо нейры удивленно вытянулось.

– Как ты его успокоила? Он же постоянно кричит и почти не спит, – спросила уже тише.

– Детей часто осматривают лекари? Взгляните сами, – я аккуратно уложила мальчика в кроватку и подозвала нейру Бовилл взмахом руки.

– Ну и что ты мне хочешь показать, чего я еще не видела? – тон женщины вновь стал недоверчивым и ехидным, но она все же приблизилась и вместе со мной склонилась над ребенком.

– Здесь же рахит налицо, – и я рассказала о признаках, которые смогла обнаружить. – Возраст у него какой?

– Где-то четыре с половиной месяца, может, пять. Точно не знаю, его оставили под дверью местного приюта, – произнесла она, задумчиво разглядывая мальчишку. – Почему ты думаешь, что это именно рахит? Лекари могут выявить его, только когда кости уже искривлены. А этот еще слишком мелкий.

Пришло время очередных невероятных историй, и я сделала глубокий вдох:

– В родной деревне я помогала одному очень опытному лекарю, вот кое-чему и научилась. А плачет и нервничает он от боли.

Я точно не знала, как мне удалось его унять. Мой дар напрямую влияет на мозг и не пропускает болевые импульсы? Или воздействует на что-то еще? И хвостатый пройдоха тут явно не последнюю роль сыграл, наверное, сказала живительная сила сосисок.

Нейра Бовилл выпрямилась.

– Если ты придешь к главному лекарю и начнешь умничать, он только посмеется.

– Пускай смеется. Я все равно с ним поговорю.

В ответ она неодобрительно цыкнула и велела продолжать работу. В четыре руки мы переодели и покормили других детишек, некоторые выглядели почти как тот мальчик. Это неудивительно, потому что содержание, скудное питание и плохие условия жизни матери во время беременности здоровья детям не добавляют. Как писал один известный врач, «бедные болеют от бедности, богатые – от пресыщенности». Или как-то так. А сиротам во всех мирах тяжело.

Нейра Бовилл некоторое время молчала, а потом спросила:

– И как же этот твой лекарь лечил рахитичных?

– Прежде всего нужны прогулки на воздухе и витамин Д, иначе болезнь будет только прогрессировать, – сказала, укладывая очередного маленького пациента в кровать.

По выражению лица главной сестры стало ясно, что я слишком увлеклась, и для нее «витамин Д» – то же самое, что для меня «ядерный синтез».

Плошаешь, Анечка. Впредь так прокалываться нельзя.

Но что могли использовать во времена, когда мощных лекарств еще было? Когда не были открыты витамины? При этом средство должно быть доступным.

– У вас есть рыбий жир?

Бовилл пожевала мясистые губы.

– Отродясь не бывало. Хотя, слышала, что некоторые лекари советуют всем детям пить его, но кто будет заботиться о приютских? С голоду не померли – уже спасибо сказать надо.

– Ну как же так? У вас микстура от кашля на все случаи жизни?! – возмутилась я.

– Ой, запутала ты меня совсем, – отмахнулась благая сестра и отвела взгляд. – Что лекари говорят, то и делаю, – подхватила на руки худенькую белокурую девочку и сказала: – Вот эта совсем бледная, ей еще железо прописали.

– Наверное, в приютах они плохо питаются.

– У нас плохо питаются все, кто не имеет большого поместья, фабрик, мануфактур и дохода с них. Вот они-то жируют, а остальные – что боги пошлют. Когда я была маленькой, выдался очень неурожайный год, – произнесла Бовилл тихо и печально. – Помню, мы с сестрами искали в полях пшеничные зернышки, я от истощения в обморок падала. Столько народу померло от голода, что тьма. В том числе моя мать и младшая сестренка. Сейчас еще в хорошие времена живем, не гневи богов своими словами, милочка.

Против воли я ощутила, как задергалась нижняя губа, а глаза защипало. Странно было видеть, как суровая женщина вдруг становится слабой от горьких воспоминаний. И тем не менее...

Увиденного было достаточно, чтобы впечатлиться и утвердиться в своих намерениях. Я хочу, нет, должна сделать для этого мира что-то полезное. Для бедных, рахитичных, истощенных и анемичных детей. А это возможно, лишь имея влияние и власть. Пока я, даже назвавшись магичкой, никто и звать меня никак.

Работа продолжалась, я даже поспорила с Бовилл, уговаривая ее не спешить поить всех солодкой и дать мне стетоскоп, но та твердо стояла на своем. А потом отправила за чистыми пеленками в подсобку и, пока я бегала, успела влить лекарство в детей.

К сожалению, главный лекарь так и не появился, и я не смогла с ним поговорить. Он был именно тем человеком, который мог повлиять на происходящее в госпитале.

Следующие два часа я делала перевязки, украдкой применяя свой дар для успокоения плачущих детей. Порой даже замечала одобрительную ухмылку руководительницы. А зараза Уголек то появлялся, то исчезал, как будто в воздухе растворялся. Я боялась напортачить, поэтому тщательно контролировала себя. Магия пока была чем-то непонятным, как ядерная физика, но кот-фамильяр успел обмолвиться, что магов часто ведет интуиция, ею я и пользовалась.

За окнами темнела ночь, а я поднялась с рассветом и уже валилась с ног от усталости. Это был невероятно длинный день: дорога до Фонвилля, приключения в городе, госпиталь Благой Алоры. И у меня осталась неделя. Всего неделя до того, как я должна предстать перед светлыми очами столичных магов.

– Нейра Бовилл, а можно нескромный вопрос? – спросила, снимая передник и шапочку.

– Ну чего ты от меня еще хочешь? – она закатила глаза, упала на табуретку и сделала большой глоток крепкого обжигающего чая.

– В госпитале можно переночевать мне и моему брату?

Сейчас это был вопрос первостепенной важности. Если откажут, я даже не знаю, что делать. Разве что спать на лавке, укрывшись газеткой.

– Да, я и забыла, что у тебя нет ни сорена на гостиницу. Можете устроиться в комнате отдыха для благих сестер, все равно почти все на ночь по домам расходятся. Расчет получишь через несколько дней, когда будешь уходить. Еще нашим работникам полагается питание два раза в день, завтра можете посетить столовую.

Я сердечно поблагодарила женщину и, окрыленная новостями, побежала разыскивать Лика.

Глава 10

Я ожидала застать своего маленького спутника в дурном настроении, ведь обычно мытье горшков никого не радует. Но Лик, напротив, сиял, словно медный пятак. Когда мы остались одни в комнате отдыха, он рассказал о своих опытах с открывшимся водным даром.

– Представляешь, мне даже не пришлось трогать это руками! – возбужденно шептал он. Глаза мальчишки блестели от радости.

– Тебе нужно быть осторожным. Магия – это не шутки.

Несмотря на заверения в том, что он был аккуратен, я не переставала тревожиться. Вдруг натворит что-то ужасное? Лик, как и я, совершенно неопытен в колдовстве. Но парнишка с самодовольным видом развалился на кушетке и мечтательно уставился в потолок.

– Вот стану великим магом, заработаю много денег и куплю нам дом в столице.

Но я не дала ему долго предаваться фантазиям, заставила читать инструкцию к местному пенициллину. Читал он долго и по слогам, но все же осилил. В ней, естественно, не было указано, из чего сделан препарат, как его получали, написали лишь дозировку в зависимости от веса больного, краткие показания и способ разведения. По правде говоря, я бы не рискнула в ближайшее время испытать это средство на ком-то из своих пациентов, нужно было больше информации. Слепых экспериментов я боялась, как огня.

После, несмотря на усталость, попросила Лика объяснить пять букв и звуков, которые они дают. В местном алфавите всего двадцать четыре буквы, а то, что я понимаю чужую речь и могу без труда говорить на этом языке, вселяло надежду выучить грамоту в короткий срок.

Засыпала я в приподнятом расположении духа, все проблемы казались решаемыми, надо лишь приложить больше усилий и настойчивости. Ночь прошла спокойно, но никто мне не сказал, что завтра предстоит окунуться в настоящий ад.

Рано утром, позавтракав в столовой жидкой кашей с кусочком хлеба, я встретила с нейрой Бовилл у дверей палаты для самых маленьких.

– Сегодня все как обычно, – начала командовать благая сестра. – Давай начнем вместе, а потом продолжишь одна, мне надо бежать по делам, – и хитро сверкнула глазами.

– Конечно, как скажете.

Невольно вспомнилось, как на практике в больнице доктора говорили студентам: «Ну вы, ребята, печатайте истории болезни, а мы пойдем обедать». Так и нейра Бовилл нашла, на кого скинуть скучные хлопоты. Мне показалось, она даже рада моему появлению. Вчера я успела убедиться, что рабочих рук в госпитале действительно не хватает, а немногочисленные благие сестры выглядят измученными тяжелой работой.

– Главный лекарь уже на месте? – спросила, не теряя надежды встретиться с этим человеком.

Детям нужно скорректировать лечение и попросить выписать рыбий жир.

Бовилл кивнула и принялась раздевать рыжую девятимесячную девчушку. Та попыталась схватить ее за нос, а когда это не удалось, захныкала.

– Да, пришел утром. Но сейчас он занят, поэтому не стоит лезть к нему с непрошеными советами, – осадил меня сурово, а потом обратилась к малышке: – Что-то ты горячая, запарилась, что ли? И потница, похоже, высыпала.

– Где?

Я приблизилась и склонилась над малышкой, провела пальцами по коже.

– Ну-ка, милая, покажись...

Меня прошиб холодный пот. Или я вчера не заметила первых признаков, или они появились только ночью? Кожа девочки действительно была горячей, а мелкую сыпь на щечках изда-

лека можно было спутать с ярким румянцем. Сыпь покрывала и шею, грудь и бока, сгущаясь в локтевых и паховых сгибах. Причем ее не было в области носогубного треугольника.

Бовилл вместе со мной внимательно осматривала пациентку.

– Ох, боги! Только не говорите мне, что это краснуха! – взмолилась она, хватаясь за свою необъятную грудь.

– Да нет, это не она. Это...

– Так, я за главным врачом, нейтом Кварлом! – Бовилл поболтала руками в тазу с мыльной водой, наспех вытерла передником. – А ты жди здесь. Запомни, ни слова поперек! – и вылетела прочь.

Пока благой сестры не было, я осмотрела остальных, тщательно моя руки после каждого. Подобные признаки были еще у девяти. У кого-то они оказались выражены больше, у кого-то меньше. От бессильной злости хотелось выругаться, но я сдержалась. Только скарлатины не хватало! Заболевание, которое успешно лечили в нашем мире, в прошлые века уносило множество жизней, особенно если учесть дурные условия.

Детские инфекции очень заразны, если заболит один, с большой вероятностью заболеют и остальные. А их всех держат в одном помещении! Двадцать человек! Они уже давно проконтактировали друг с другом, остальное – дело нескольких дней. А тот несчастный мальчик с рахитом снова плакал и тянул ко мне ручки.

В палату вошел мужчина с густыми тронутыми седой усами и короткой бородкой, в строгой черной форме и с чемоданом под мышкой.

– О, Бовилл, у тебя новая помощница? – мазнул по мне взглядом. – Повезло. И что тут у вас? Показывайте.

– Я нашла одинаковые признаки у половины детей, нейт Кварл, – сказала, но тот пропустил мои слова мимо ушей, словно я была пустым местом.

Он считал частый пульс, давил на участки сыпи стеклянным шпателем, недовольно хмурился, осматривал горло и миндалины маленьких пациентов.

– Точно, нейра Бовилл. Это краснуха, – заключил врач и покачал головой, будто вынося приговор.

В нашем мире тоже долгое время скарлатина считалась одной из форм краснухи, а не отдельным заболеванием. Скорее всего, здесь будет так же.

– Простите, но это не краснуха, – я рискнула вставить слово и встретила удивленный взгляд главного врача.

– Вы будете со мной спорить? – спросил он, не веря своим ушам. – Вы? Ваше дело исполнять предписания, а не ставить диагнозы, дорогая.

– Я уже с таким сталкивалась, когда помогала своему наставнику, одному опытному...

Нейт Кварл не дал мне договорить. А на что я надеялась? Никто не станет слушать девочку, взявшуюся непонятно откуда.

– Больным давать много пить, по три капли жаропонижающего, если набухнут лимфатические узлы, смазывать ртутной мазью.

– Узлы лучше не трогать, – снова возразила я, рискуя быть выгнанной враз. – Иначе может начаться сепсис.

Я пыталась говорить медленно, не сводя с него взгляда. Обращалась к магии, спящей внутри, и надеялась, что у меня все получится. Я просто обязана его убедить!

Кварл удивленно вскинул бровь.

– А что вы предлагаете, милочка? Оставить все как есть и потом вскрывать? Гноекровие, так или иначе, возникает у половины. С этим ничего не поделаешь. Вам еще учиться и учиться. Прежде у нас не было таких строптивых помощниц, правда, Бовилл?

Та с готовностью закивала, посылая глазами знаки заткнуться и не отсвечивать.

Лекаря убедить не удалось, здесь я пока бессильна. Уголек говорил, что слабые ментальные маги могут влиять лишь на людей со слабой волей, а нейт Кварл не выглядел внушаемым и ведомым. Что ж, я не оставлю попыток с ним побороться, даже если придется снова потревожить печать.

– Но ведь есть пенициллин! Ну хотя бы лошадиная сыворотка...

Ей лечили до открытия антибиотиков, и даже успешно. Я надеялась, что, может, в этом мире ее тоже открыли?

Если сначала я видела в глазах нейта Кварла легкую насмешку, то теперь в них отразились раздражение и злость. Он захлопнул свой чемодан, скрестил руки на груди и принялся меня отчитывать:

– В последние годы лекари и ученые как только не изгаляются над пациентами! Каждый день появляются новые лекарства, вон с месяц назад в гильдии испытывали новое обезболивающее, и знаете что? У больного случился разрыв сердца прямо на операционном столе! – По тону и лицу его было видно, что я наступила на большую мозоль, так он фонтанировал эмоциями. – Умные лекари предпочитают использовать методы, проверенные десятилетиями. А этот пенициллин выпустили совсем недавно, его «отец» – чокнутый ученый Сальвадор Эйле, выскочка с непомерными амбициями. Я ему не доверяю, к тому же пенициллин слишком дорого стоит! Так что обильное питье и ртутная мазь – лучшие лекарства! И еще никто из детей не должен покидать этих стен, не хватало мне заразу по госпиталю растащить. И сами потом помоешься, когда закончите работу.

С этими словами главный лекарь гордо покинул палату.

– Слышала указания нейта Кварла, Аннис? – спросила нейра Бовилл и для убедительности погрозила пальцем. – Надо выполнить их в точности, а я проконтролирую. Мне показалось, у тебя голова на месте. Так что помни, ответственность за жизни этих детишек лежит на тебе! Если что учудишь, нас выгонят вместе, а я пока не планирую терять работу.

Я согласно кивнула. И решила: буду делать только то, что считаю нужным.

Когда-то я читала книгу врача и писателя Вересаева о начале его нелегкого пути в медицину. В память врезался эпизод, где он, совсем еще зеленый и неопытный, лечил больного scarлатиной мальчика. Он не знал, что втирание в лимфоузлы ртутной мази приведет к распространению инфекции по всему телу с током лимфы, гнойные очаги вспыхнут во всех органах и это окончательно добьет пациента.

Поэтому плевать на Кварла и на мнение нейры Бовилл, главное – спасти детей.

Вместе с лекарствами благая сестра притащила ящик с баночками для анализов и устаревший аналог градусника – его здесь называли термоскопом. С величайшим трепетом, будто несла по меньшей мере королевский скипетр, она вручила мне деревянную шкатулку со стеклянной трубкой внутри. По форме та напоминала толстую шариковую ручку, один конец которой закрывал латунный колпачок, а в другом собиралось серебристое вещество, так похожее на ртуть. Снаружи была нанесена шкала с делениями.

– Смотри не разбей новейшее изобретение! – велела Бовилл строго. – Термоскоп один на весь госпиталь, нейт Кварл заказал аж из столицы. Небось ни разу таких не видела?

Я покачала головой, рассматривая инструмент. Не лишним было бы узнать, как он работает, и нейра, подобрав, все показала и рассказала на примере одного крикливого мальчугана. В принципе, термоскоп работал так же, как и привычный мне термометр. Прогресс этот мир не обошел, но меня удивляло, как магия и почти современные изобретения могут так тесно соседствовать с невежеством?

– А что внутри?

– Ртуть! – Бовилл сделала страшные глаза. – Это не то, что по старинке – ладошкой. Наш Кварл не дурак, делает для госпиталя все, что может. Так что зря ты с ним спорила. Он мужик хороший, хоть и жестким иногда бывает. Но ты давай работай, Аннис. Я тебе позже помогу,

у меня другие дела. И поясница опять разболелась, – поморщилась сестра и даже застонала для достоверности.

Я не могла отлучиться от детей ни на минуту. Молчаливая девушка моего возраста принесла кастрюлю с яблочным компотом, и я поила им детей. Со всех сторон доносился плач, кто-то пытался вылезти из кровати, чтобы поползти по холодному каменному полу, я развлекала их деревянными игрушками, бегая туда-сюда. Кто-то вяло лежал и не обращал на меня внимания, только хныкал или постанывал.

Я подавляла порывы расплакаться от жалости к детям и от собственного бессилия. Сейчас эмоции только мешают, нужно сосредоточиться лишь на деле. Но как оставаться холодной, когда на тебя смотрят заплаканные детские глаза, когда температура стремительно растет то у одного, то у другого? Они так доверчиво прижимались ко мне, так обнимали за шею, что волей-неволей проскакивали мысли: «А каково иметь собственного ребенка? Не спать ночами и видеть, как он страдает?»

Местное жаропонижающее пахло травами и помогало немного, но сбить высокую температуру получалось не до конца. Чтобы облегчить боль, я носила малышей по очереди на руках, потихоньку используя магию. С каждым разом это становилось все тяжелее, из меня как будто по капле уходили жизненные силы. Ладонь я почти не чувствовала, болезненное покалывание сменилось онемением, а узор печати еще сильнее побледнел.

Что я скажу в академии? Впрочем, сейчас это не важно.

Интересно было бы изучить труды лекарей-менталистов. Если они могут воздействовать на мозг, то психические заболевания они тоже могут исцелять? Или только боль блокируют? Одни вопросы без ответов! Как же не хватает какого-нибудь заклинания или, на худой конец, волшебной палочки, чтобы разом всех вылечить. Не знаю как, но я буду биться за то, чтобы эти маги меня обучили. Не хочу снова чувствовать беспомощность, имея магический дар.

Позже нейра Бовилл принесла детям поесть, захватила и для меня миску жидкого супа с морковкой и кусочком куриного мяса. Ох, это блюдо показалось мне поистине кулинарным шедевром, я выпила его одним махом, даже не садясь, пока благая сестра кормила самых маленьких молоком из рожков. А потом затолкала в рот целый кусок черного хлеба.

– Фы не говорили с глафным лекарем по пофоду рыбьего жира? – спрашивая, я продолжала жевать.

Боже мой, я готова была и слона проглотить!

– Сейчас не до этого, – отмахнулась Бовилл.

И хлопнула меня широкой ладонью по спине, да так, что я чуть не подавилась.

– Худая ты, кожа да кости! – в голосе послышалось сочувствие. – Пойди отдохни, я тебе кого-нибудь на смену пришлю.

Но я покачала головой.

– Не надо, я хорошо себя чувствую. Останусь здесь.

Заодно прослежу, чтобы малышей не напичкали никакой средневековой гадостью.

– Ладно, сердобольная ты наша, – и благая сестра принялась ворковать над малышкой.

При общении с детьми женщина расцветала и становилась чуть добрее, на них она не кричала, хотя на подчиненных срывалась будь здоров. Время от времени я слышала в коридоре ее громкие выкрики.

Едва я осталась одна и присела на табурет, потому что ноги подгибались, как рядом мелькнула черная тень.

– Ты где ходишь? – спросила Уголька, который как ни в чем не бывало взирал на меня глазами-плошками.

– Я свободный кот и гуляю там, где вздумается, – ответил котяра и принялся вылизывать лапу. – Главный лекарь хранит у себя в кабинете очень вкусную колбасу, мрряуу. Хочешь, и тебе кусочек отщипну? Или ты предпочитаешь мышей?

Меня порой шокировала наглость и беспардонность этой усатой морды.

– Тебя опыт с сосисками ничему не научил? Посмотри на себя, пузо скоро треснет!

– Ничего подобного. Я магический зверь, и для подкрепления сил мне нужно много пищи. К тому же кошки любят котов в теле. Кстати! Ты ведь уже в курсе, что использование магии сжигает много ресурсов?

– Конечно в курсе, ты ведь так вовремя мне об этом сказал, – цокнула я и покачала головой. – Теперь понятно, отчего мне так плохо.

– Больше ешь и больше отдыхай. Моя прежняя хозяйка прекрасно это знала и была очень сочной женщиной.

– Кем она была? Что с ней стало?

Ужасно захотелось выведать еще хоть что-то у вредного кота. Уголек лениво зевнул и потянулся, вздыбив хвост.

– Магичкой была, кем же еще? Правда, померла от старости.

Он деловито обошел палату, остановился у кровати с маленькой девочкой, ловко запрыгнул внутрь и устроился у нее в ногах.

– Эй, ты чего...

– Ну что за люди? Никакой благодарности, – притворно вздохнул он. – Кошки, вообще-то, снимают боль.

– Ну что ж, надеюсь, терапия кошатинкой поможет, – пробормотала я, но кот услышал и захихикал.

Мое непростое дежурство продолжалось. К вечеру еще у четверых появилась сыпь и поднялась температура, в том числе и у малыша с рахитом. Я бегала целый день, и нейра Бовилл отправила мне на помощь освободившегося Лика.

– Надеюсь, ты переболел этой заразой, – сказала, едва мальчик вошел в палату.

Он самоуверенно улыбнулся.

– Я переболел всеми видами сыпи! Однажды такие пузыри были, что все думали – умру. Но я выжил им на зло. А правда говорят, что детскими болячками повторно не заражаются?

Я кивнула, надеясь, что в этом мире нет никаких особенностей иммунитета, и Лик вне опасности. Как и я, унаследовавшая чужое тело. Все-таки мне ничего не известно о прошлом бывшей владелицы, как и о том, что с ней стало.

С Ликом я обрела не только дополнительные руки, но и свободные уши. Рассказывала ему о симптомах, объясняла все свои действия, рассказывала о лечении, а парнишка слушал с неподдельным интересом. Возможно, из него вышел бы хороший врач.

Нейт Кварл снова посетил палату, когда на улице стемнело. Справился о самочувствии маленьких пациентов, выслушал мой доклад и для верности осмотрел нескольких детей. Он остановился у кровати с рахитичным мальчиком и измерил ему температуру.

– У Тилла сильный жар, – Кварл поцокал, вертя в пальцах термоскоп. – Если к утру не пройдет, дело плохо.

Так я и узнала, как зовут этого сироту.

– Слабые дети хуже переносят болезни, а у Тилла еще и рахит. Ему, как и всем остальным, надо давать рыбий жир и хорошо кормить.

Главный лекарь посмотрел на меня с нескрываемым скепсисом.

– Все начинающие лекари всегда подозревают у пациентов самые страшные болезни вместо чего-то вполне банального. Этот малыш просто недоношенный.

Потом забрал пронумерованные баночки с анализами, которые мы собирали всеми правдами и неправдами. Некоторые проверил на цвет, на запах, сказал:

– Сообщите, если заметите в моче кровь или что-то странное. Утром снова зайду.

И ушел.

Это была одна из самых страшных ночей в моей жизни. В мире, отстающем от моего родного на несколько веков, один на один с двумя десятками лихорадящих детей. Тем, у кого симптомы появились раньше всего, стало хуже: жаропонижающее не помогало или имело совсем короткий эффект, пульс на этом фоне частил, дыхание сбивалось. Кто-то не мог спать от боли и жара, я разрывалась на части.

– Бовилл с Кварлом сейчас на операции, другие разошлись по домам, – ворчал Лик.

Он помогал мне чем мог. Поил малышкой, обтирал их влажной тканью, носил на руках.

Стоило подумать о лекарстве, что лежало у меня в сумке, как ладони становились мокрыми, а колени подгибались. Как набраться смелости и испытать его? И как не сделать еще хуже?

Но какой выбор? Среди этих детей есть очень тяжелые, это в нашем мире я сталкивалась с легкими формами скарлатины, когда можно было обойтись и симптоматическим лечением. Ну не дожидаться же, в конце концов...

У меня не хватило смелости додумать страшную мысль. Я не сразу заметила, как подошел обеспокоенный Лик.

– Аннис! – мальчик пытался меня дозваться. – Что такое? Что с тобой?

Я улыбнулась через силу и погладила его по непослушным вихрам.

– Найди в моих вещах пенициллин, который мы купили в аптеке. Только никому не говори.

Лик нахмурился, но выполнил поручение без лишних вопросов. Сбегал и вернулся с заветной склянкой, передал ее мне с ловкостью бывалого контрабандиста.

– Извини, если скажу что-то не то, – начал вдруг, опустив глаза, – но я чего-то не понимаю. Ты разговариваешь и ведешь себя не так, как знакомые мне деревенские девушки. Речь у тебя слишком правильная и какая-то заумная бывает, как у высокородных. Но при этом ты не умеешь читать и писать. Родители вряд ли отпустили тебя путешествовать по Рэнвиллю в одиночку, так, может, ты... – он понизил голос до шепота, – ...сбежала?

– Сбежала? – оторопело переспросила я.

На самом деле я ожидала совсем других вопросов, мальчику удалось меня шокировать.

– Из-под венца! – выдал он таким тоном, будто разгадал мою самую страшную тайну. – Я случайно увидел край белого платья у тебя в мешке, когда искал лекарство. А белое у нас носят либо невесты, либо покойницы.

У меня аж сердце оборвалось. Вот гадство! Надо было сразу выбросить этот наряд.

– Не бойся, я никому не скажу. Я – могила, – он сделал вид, что завязывает рот на шнурок, а у меня дернулся глаз от похоронной тематики.

– Когда придет время, все расскажу, Лик, – я наклонилась над кроватью с проснувшимся малышом. – А теперь иди спать.

– Я лучше с тобой побуду. Ты еле на ногах держишься, – пробубнил он.

– А как ты завтра мне помогать будешь, если не поспишь? – спросила строго и указала пальцем на дверь. – Иди давай, отоспись за нас двоих.

Лик еще немного поспорил, но в конце концов сдался и угрюмо поплелся на выход.

Я выбрала двоих с самым сильным жаром и самой яркой сыпью: мальчика и девочку, которым было месяцев по шесть. Отсчитала шесть крупинок пенициллина согласно инструкции и развела водой. Тяжело было принять это решение и взвалить на себя ответственность. Как же трудно приходилось первопроходцам в медицине, когда они испытывали на других или на себе новые средства и методы, не зная, к чему они приведут.

Я по очереди напоила малышкой лекарством с ложки, поносила на руках, дожидаясь, пока заснут, и уложила в кровати. В палате в кои-то веки стояла такая тишина, что я услышала, как в висках стучит кровь.

За окном занимался тусклый рассвет. Я подставила табуретку к подоконнику, положила голову на руки и смежила веки. На колени прыгнуло что-то тяжелое, теплое и мурчащее. Вот отдохну пять минуточек. Или десять...

Открыв глаза, я чуть не заорала. В палате было уже светло, а передо мной крупным планом маячило усатое лицо нейта Кварла, он тыкал мне в нос тряпочкой, пропитанной чем-то вонючим и едким. От паров нашатыря брызнули слезы и сперло дыхание.

– Ты чего, милочка? – лекарь выглядел обеспокоенным. – Тебя никак не могли добудиться. Бледная была, как стена, и что-то неразборчиво бормотала.

Я ничего не соображала и почти ничего не помнила. Кряхтя и кашляя, провела ладонями по лицу, голова гудела так, будто по ней всю ночь стучали молотками. Тем временем Кварл показал палец.

– Сколько видишь? Четыре? Пять?

– Один, – прохрипела, и лекарь расслабился.

– Тьфу, напугала. Ты что, всю ночь дежурила? Пойди поспи нормально, нам работники нужны здоровые и полные сил.

Но я уже сползала с табуретки. От кроваток доносилось детское хныканье, нейра Бовилл поила маленькую рыжую девочку водой. Воспоминания о вчерашнем дне и ужасной ночи навалились, едва не придавив к полу.

– Как дети?! Все живы? – спросила, умирая от беспокойства.

Глава 11

Как я могла уснуть? А вдруг за эти часы что-то случилось, а я сопела, как сурок? Вдруг больным стало хуже? Я ведь должна наблюдать за детьми, особенно за теми, которым дала пенициллин! Но вместо этого провалилась в черный тоннель, все чувства отключились, я ничего не слышала, а ведь точно кто-то плакал!

Наверное, сейчас я выглядела сумасшедшей в глазах Бовилл и нейта Кварла, потому что смотрели они на меня уж очень странно. Лекарь кашлянул, поднял очки и почесал переносицу.

– Живы, некоторым даже лучше стало.

На трясущихся ногах я подошла к кровати маленького Тилла, которому вчера дала лекарство. Он спал, раскинув ручки и мерно дыша. Дотронулась ладонью до его лба – теплый, но уже не раскаленный. От облегчения я чуть не упала, воздух с шумом вышел из легких. После я метнулась к девчужке – та бодрствовала, маленькие щечки казались алыми из-за сыпи, но ее больше не лихорадило. Увидев меня, она улыбнулась беззубым ртом и потянулась ко мне.

Никогда в жизни я не испытывала такого сильного и мощного чувства, словно с плеч свалилась огромная скала, а вместо нее выросли крылья. Местный аналог пенициллина не навредил, напротив, облегчил состояние!

Нейт Кварл вместе с нейрой Бовилл ходили вдоль кроватей, продолжая осмотр. Лекарь приговаривал:

– Что ж, критический период только впереди, мы не знаем, удастся ли избежать осложнений. Аннис, – обратился ко мне, – вы что там, плачете?

– Я? Нет, что вы! – смахнув со щеки некстати выкатившуюся слезинку, я взяла девочку на руки, и та уткнулась носом мне в плечо.

– Вам точно не надо отдохнуть?

– Я готова работать дальше, нейт Кварл. Как вы и сказали, опасность не миновала, расслабляться рано. Но я справлюсь, – и улыбнулась. – Можете быть спокойны.

Он усмехнулся в усы, я даже не поверила. Этот черствый с виду человек меня жалел? Думал, что я устала? Беспokoился? Воистину первое впечатление бывает обманчиво. Тем временем лекарь заглянул одному из малышей в горло.

– Так, что тут у нас? Налет на языке, зев алый, прямо-таки пылающий...

– Да, я тоже это заметила. А через пару дней язык станет малиновым.

Кварл называл типичные симптомы, и я не смогла сдержаться. Тот поглядел на меня поверх очков и вернулся к делу.

– И все-таки нам понадобится ртутная мазь. Я отметил, кому следует ее нанести, – после осмотра он положил листок с номерами и крестиками на стол, сверху поставил баночку с густым серым содержимым. – Надеюсь, вы справитесь. Нейра Бовилл, через полчаса я жду вас в западном крыле.

Когда нейт Кварл покинул палату, мы занялись сменой белья и кормежкой. Другая сестра, Адель, уносила грязные вещи в стирку.

– Ты молодец, Аннис. В одиночку ухаживать за таким количеством больных детей очень непросто. Вовремя ты нам подвернулась, как будто Пресветлая Матерь направила твои стопы. Иначе приглядывать за крохами было бы некому, – посетовала уже в который раз нейра. – И мне хоть какой-то отдых, а то ношусь целыми днями, как собака за хвостом. Работа любит терпеливых, а главный лекарь – трудолюбивых.

Я решила пока не говорить, что использовала пенициллин, хотя соблазн был. Лучше для начала закончить лечение, потом уже признаюсь. Но я не надеялась, что все кончится за один день. Возможно, придется задержаться. И опоздать в академию.

– Ты поняла назначения нейта Кварла? – к благой сестре вернулся привычный строгий тон. – Ртутной мазью когда-нибудь пользовалась?

– Конечно-конечно, – я закивала с готовностью. – Вы можете быть спокойны, делайте свои дела, а я останусь здесь.

– Ну и хорошо. Чуть позже пришло тебе на помощь кого-то из девочек или братишку, сейчас он занят в прачечной.

Бовилл выдохнула, на прощание пощекотала одного из малышей, как следует прополоскала руки и ушла.

– Этой страшной женщины тут больше нет, мрряя? – из-под кровати выполз Уголек и отряхнулся.

Я подскочила и схватилась за сердце.

– Ты каждый раз появляешься, как черт из табакерки!

– Но-но-но, прошу не сравнивать меня с иномирной нечистью, – задрал трубой хвост, кот потерял о мои ноги. – Я появляюсь всегда к месту. Гляжу, ночью ты испытала на себе все прелести магического отката.

– Магический откат?

Значит, так называется то паршивое состояние? А я-то думала на обычный недосып и усталость.

Уголек кивнул.

– Пришлось мне помочь тебе возместить силы, иначе ты могла просто умереть.

А это уже интересно. И жутко, что уж говорить. Не хотелось окончить свои дни в новом мире, едва их начав. Я поставила термоскоп одному из детишек и принялась мучить котофея вопросами.

– Значит, в этом и заключается функция фамильяров? Вы помогаете магам восстанавливать силу?

– По моим меркам ты – совсем еще неразумный котенок, поэтому слушай внимательно, пока я добрый. – Уголек запрыгнул в детскую кровать и дал малышке себя погладить. – Обычно фамильяры нужны тем, у кого только открылся магический дар, то есть, детишкам, чтобы помогать управлять силой и концентрировать ее. В теле есть специальные каналы, по которым движется магия, если их не задействовать, она будет выделяться всей поверхностью тела, в результате – перерасход, напряжение и прочие дурные последствия.

– А у взрослых магов есть фамильяры?

– Обычно взрослым мы не особо нужны, к тому же, если много лет подряд использовать силу фамильяра, мы начинаем резко стареть, иногда даже погибаем. Со своей хозяйкой я встретился в ее зрелом возрасте и был уже не первым фамильяром. Так, помогал потихоньку, но больше жил за компанию лет... шестьдесят, – желтые глаза прищурились, будто он вспоминал что-то очень приятное. – Хозяйка умела вкусно готовить и любила шутить. Когда она умерла, я думал, что больше не стану никому служить, но тут один глупый мальчишка, а потом и попаданка свалились мне прямо на голову! И как их, таких беспомощных, бросить?

Я никогда прежде не слышала от Уголька подобных откровений. На самом деле он не такой независимый и вредный, каким хочет казаться. Я еле сдержала порыв почесать его за ушком.

– Ты сказал, шестьдесят лет? Сколько тебе на самом деле?

– Чего ты удивляешься? – кот хихикнул и позволил девочке поймать себя за хвост. – Всего лишь пара сотен. С маааленьким хвостиком. Так что я молод и полон сил!

– Упасть не встать!

Для меня каждая капля информации о новом мире и магии казалась целым морем, моя бедная голова не могла вместить все сразу.

– Кстати, ты уже решил, будешь ли мне помогать? Я буду хорошей попаданкой, обещаю.

– Ой, как это все лениво, – протянул он. – А может, не надо?

– Так ведь ты уже начал! Просто самой мне не справиться... – я беспомощно развела руками, уповая на кошачью жалость. Если, конечно, у него этот орган не атрофировался с годами. – Или ты боишься слишком резко состариться?

– Пфф! Мне это не грозит. Я же не какой-нибудь крошечный тиинчик. Да у тебя и силенок не хватит, чтобы истощить меня до состояния выжатой тряпки.

– А что насчет Лика? Ему ведь тоже нужен фамильяр.

Я переживала за маленького спутника, которого на самом деле начала считать братом, еще сильнее, чем за себя.

– К моему сожалению, с тобой я совпадаю больше, чем с ним.

Все же уколол, вредина усатый.

– Мальчику должны помочь найти фамильяра опытные маги. Я ведь уже рассказывал про волшебный лес.

– Надеюсь, что ему помогут в академии. Он так мечтает туда попасть, только...

– Мечтать не вредно, вредно не мечтать.

– Трескать сосиски тоже вредно, – парировала я, но Уголек и ухом не повел.

Времени болтать дальше не было, я вплотную взялась за детишек. Уголек сказал, что своим мурчанием помогает концентрировать магию, чтобы я не расходовала силы попусту. Если нужно было успокоить или облегчить боль маленького пациента, хвостатый усаживался рядом и включал «шарманку». А я заметила, что усталость ощущается гораздо меньше, чем тогда, когда я занималась этим одна.

Те, кто вчера не получил пенициллин, мучились от жара, многим даже прикосновения приносили боль. С трудом мне удалось дать им хотя бы воды. Закрыв дверь в палату, я достала из кармана заветную склянку. Было уже не так страшно, ведь вчерашний опыт завершился удачно. Хотела бы я познакомиться с человеком, который, подобно Флемингу, открыл этот антибиотик. Нейт Кварл говорил, что он эксцентричный выскочка, но я уверена, что лекарь ошибся на его счет. А если и так, то гениям это простительно.

Я разводила лекарство и поила им детей, надеясь, что все пройдет гладко, и мы никого не потеряем. Ведь после тяжелого течения бывают опасные осложнения. Хорошо, что средство расходовалось очень экономно, и на одного ребенка хватало нескольких крупинок. Дотянуть бы до выздоровления, а потом обязательно поговорю с Кварлом, докажу делом, что моим словам можно верить.

Чтобы создать видимость применения мази, я подцепила немного деревянным шпателем и выбросила в окно. Стыдно обманывать, но что поделать? Раньше вообще любили лечить ртутью, она на самом деле убивала микробы, но чаще – самого пациента. Все хорошо в меру, как говорится. Сколько же людей погибло до того, как эту меру определили? А если не помогала ртуть, то... примите, господа, мышьяк или свинец. Ох уж эта суровая средневековая медицина. Нет больного – нет проблемы!

Несколько раз заходили благие сестры, спрашивали, что нужно, отвлекали детей игрушками и помогали менять пеленки. Одна принесла мне поесть, а другая, увидев Уголька, вскричала:

– Какая милая киса! Будешь хлебушек?

«Скажи ей, что я не ем хлеб. Пусть лучше принесет сосисок, колбасы или свежего мяса», – в голове прозвучал ворчливый голос фамильяра.

«Не наглей, ты только недавно охотился».

А ближе к вечеру явился нейт Кварл – деловой и суетливый. Опустив чемоданчик на стол, пошевелил усами и размял пальцы:

– Как поживают больные?

Я собиралась ответить, но слова застряли в горле. За его спиной, среди бумаг, банок и ложечек лежал забытый пузырек с пенициллином...

У меня сократились все сфинктеры разом, по спине побежал холодный пот. Как я могла оставить его? Что за растяпа? Забегалась, вот из головы и вылетело. А скоро вылечу и я, если Кварл обернется.

Только собиралась невзначай подойти к столу и спрятать лекарство в карман, как лекарь произнес:

– Пока достану шпатель...

И, конечно, полез в свой портфель. Пузырек покотился по столу прямо к руке нейта Кварла. Все происходило, как в замедленной съемке. Вот сейчас...

Дикий кошачий мяв сотряс палату. Уголек выскочил из-под кровати, опрокинул табурет, врезался в ноги лекаря, а потом стрелой вылетел в окно. Пока шокированный Кварл наблюдал за бедламом, устроенным моим усатым спасителем, я успела схватить пенициллин.

Нейт с осуждением покачал головой.

– Кажется, нашелся виновный в пропаже моего завтрака. Так, на чем мы остановились?

Он прошелся по всем малышам, оценивая их самочувствие. То хмурился, то кивал своим мыслям.

– Хм, дела идут лучше, чем я думал, – Кварл был в легком замешательстве. – Состояние детей не то, чтобы хорошее, но и не критическое. Продолжайте, Аннис.

Ух, пронесло! Мне бы закончить лечение, а там хоть трава не расти. И расчет получу перед признанием, а то мало ли, вдруг оставят без зарплаты из-за самовольства.

Часы сливались в бесконечную череду дел: измерить температуру, дать лекарства, покормить, помыть, успокоить и облегчить боль. Уголек по своему обыкновению то исчезал, то появлялся и милостиво предлагал помощь. Я знала, что потом меня срубят от усталости, но сейчас, из-за адреналина и энтузиазма, почти не ощущала ее.

Дети начали узнавать меня и привыкать. Когда я была занята кем-то одним, другие ревновали и требовали внимания. Улыбались, стоило взять на руки и приласкать. Я снова оказалась в своей среде, чувствовала себя нужной и востребованной. Когда-то я без раздумий отдала предпочтение педиатрическому факультету и ни капли не пожалела. Дети были более открытыми и честными, мне нравилась их непосредственность и свежий, совершенно особенный взгляд на мир. Конечно, случались неприятные моменты с родителями или начальством, но я научилась не пропускать их через себя.

Нейра Бовилл, узнав, что я намерена еще несколько ночей кряду дежурить в палате, распорядилась принести старую кушетку. Забота женщины тронула мое сердце. Пусть на пути встречались проблемы и не слишком порядочные люди, но хороших все равно больше! Часто они просто скрывают доброе сердце за броней равнодушия и показной черствости.

Пенициллин я давала два раза в сутки, на фоне этого температура не поднималась до критических отметок, а страх за жизни пациентов ослаб. Осталось пережить несколько дней, и все поправятся. Нейт Кварл регулярно навещался, он выглядел довольным и воодушевленным и нахваливал ртутную мазь.

Шел пятый день моего пребывания в госпитале. У большинства детей сыпь начала бледнеть, кожа в этих местах шелушилась, но я знала, что высыпания исчезнут без следа. Я взяла из кровати спящего Тилла и села с ним на табурет. Беспокойный малыш всхлипнул и свернулся у груди. Нельзя было слишком сильно к ним привязываться, но я все равно прикипела к своим маленьким подопечным. Как их теперь оставить? А сколько таких детей по всей стране? Я не могу помочь всем, но, может, в моих силах повлиять на саму систему?

Вчера я сделала удивительное открытие, которое подтвердил Уголек. На данный момент лучше голоса и убеждений мой ментальный дар проявлял себя в... пении. Ни о чем не подо-

зревая, я напевала детям колыбельные из детства и свои любимые мелодии, когда заметила, что маленькие пациенты успокаивались быстрее, а их боль уходила на долгий срок.

Всегда считала, что мне медведь на ухо наступил, но теперь голос звучал совершенно по-особенному. В нем появилась сила и уверенность, и сама я в эти моменты становилась другим человеком.

– Да, наивная моя попаданка, – сказал тогда Уголек, удобно устроившись возле ног. – Ты сделала верные выводы. Недаром с древнейших времен маги пропевали слова ритуалов и заговоров. Они знали, что делают. Песни и баллады всегда вызывали в людях большой отклик и самые чистые эмоции, они могли заставить рыдать, биться в конвульсиях или, напротив, возносили в облака и очищали душу. Это страшная сила, Аннис.

И я обещала себе не злоупотреблять ею. По крайней мере до тех пор, пока не научусь ее правильно использовать.

Когда выпадали свободные минутки, Лик учил меня буквам, благо удалось разжиться карандашом и бумагой. Я тщательно повторяла материал, несколько раз даже пыталась писать простенькие слова, чем вызывала у парнишки взрывы хохота.

– Ты написала не «лекарь», а «пятка»! В середине надо не эту букву, а вот эту, – смеялся он, схватившись за живот.

– Тоже мне, умник нашелся. Говорил, что у тебя самого по три ошибки в слове.

Я не могла на него обижаться. Мальчик искренне старался помочь и так же искренне подтрунивал надо мной. Несмотря на мои просьбы быть осторожней, он два раза устраивал потоп в прачечной, но благие сестры, ведясь на неземное обаяние этого хитреца, не ругались. Напротив, норовили сунуть то ореховую булочку, то кусок повкуснее.

«Ваш братец вырастет завидным женихом. Уже сейчас такой красавчик», – хихикали они, вгоняя Лика в краску.

На исходе пятого дня Бовилл уговорила меня ненадолго оставить детей на попечение Лика и Адель. В комнате отдыха были только мы, женщина грузно плюхнулась на стул и размяла шею. Я же заварила для нее кружку крепкого чая и добавила две ложки сахара с горкой, как она любила. Та довольно крякнула и пригубила кипяток.

– Вижу, ты сильно переживаешь за этих сироток, Аннис. Но пойми, каждый ребенок должен пройти природный отбор, чтобы выжили сильнейшие и род людской не прервался, – произнесла она, отставив кружку.

– Но ведь задача лекарей – сделать слабых сильными. Разве не так? – я села напротив женщины и уложила подбородок на переплетенные пальцы. – Болезни много веков уносили тысячи детских жизней, но, посмотрите, все наши пациенты выжили.

– Решает природа и боги, а не люди. Мы лишь следуем их воле, – упрямо заявила она.

Мне не были близки такие рассуждения, но я заметила, что сегодня благая сестра пару раз обратилась ко мне за советом по уходу. Вот так, маленькими шажками, я планировала улучшить свой новый мир. Сейчас он был гораздо реальней, чем старый – тот уже казался далеким сном. Мне не к кому возвращаться.

Печать все реже напоминала о себе днем, но ночами снилось, что руку то пытается откусить медведь, то вдруг ее охватывает пламя, то безумный маньяк пытается отпилить ее тупой пилой. Узор стал разрушаться по краям, остался слабо мерцающий центр. Из отведенных десяти дней я потратила восемь, и в памяти то и дело всплывали слова деревенского следователя.

Ну да, теперь я точно опоздала. До столицы добираться три дня, интересно, что будет, когда истечет срок? Не бросят ли меня в темницу? Зато я могу оправдаться хотя бы перед собой. Я делала все, что было в моих силах.

Утром я зашла к секретарю. Можно было с чистой совестью считать врачебный долг исполненным: я помогла детям излечиться. А кроме того, поверила в свои силы и узнала о магии больше. Пусть этот мир отстает от нашего на пару столетий, но выход найти можно, главное знать, где и как его искать.

Нейт Ловис восседал за столом, перекладывая бесконечные бумажки с унылым выражением лица, но, увидев меня, просиял и потер ладони.

– Аннис, вы можете получить расчет за себя и брата у нейры Бовилл и быть свободны, вас ведь ждут в столичной академии, – напомнил он. – Но, признаться, жаль вас отпускать. Вы продемонстрировали образцовое трудолюбие, таких работников всегда не хватает. Я уже поблагодарил Марту за то, что отправила вас сюда.

– Спасибо на добром слове, нейт Ловис. Марте мой привет, – я улыбнулась, вспомнив радушную хозяйку трактира.

– Помните, как только утрясете свои дела, мы будем рады снова видеть вас в качестве постоянного сотрудника, – он поднял вверх указательный палец. – Если вы так хорошо справились без магии, то с ней ваши возможности будут еще шире.

Мне было приятно слышать подобные слова. Попрошавшись с секретарем, я отправилась на поиски Бовилл. Но женщина нашла меня сама и завела в один из кабинетов. Отперла деревянный сундук и торжественно вручила холщовый мешочек с монетами.

– Тут немного, но добраться до Флейвинга и не помереть с голоду хватит.

Она выглядела расстроенной и избегала прямого взгляда.

– Что случилось?

Та вздохнула и отмахнулась.

– Что случилось, что случилось... Никто здесь долго не держится, кто сам сбегает, испугавшись объема работы, кого-то Кварл выгоняет. И ты тоже решила нас покинуть. Мне самой со всем не управиться.

Поддавшись порыву, я обняла ее за плечи.

– Не горюйте, нейра Бовилл. Все наладится, а я вас не забуду. Обещаю навестить при первой же возможности! Хотите, секрет расскажу?

Благая сестра уставилась на меня подозрительно, насторожил ее мой веселый тон.

– Я не использовала ртутную мазь.

– Пресветлая Матерь! – она схватилась за сердце и округлила глаза, и я, дабы не травмировать ее еще сильнее, на одном дыхании рассказала о проведенном лечении.

А когда замолчала, женщина рухнула на стул и вытерла лоб передником. Да уж, не травмировать не получилось. Что поделать.

– Кварл убьет тебя.

– Не убьет. А за что? Дети выжили, осложнений не случилось, – я развела руками, а потом попросила, вкладывая в голос каплю магического дара: – Пожалуйста, напоминайте нейту Кварлу о пользе пенициллина, пусть не боится его использовать. И о рыбьем жире не забывает.

– Ладно, Аннис. Хорошей тебе дороги, – женщина кивнула. – Ты уж извини, если поначалу я вела себя грубо. Я так со всеми.

– Я не держу на вас зла, на самом деле вы мне очень понравились. Обещайте, нейра, что будете заботиться о бедных сиротах.

– А чем я, по-твоему, столько лет занимаюсь? Ты не смотри, что я такая сварливая тетка, деток я люблю. Мои сыновья уже выросли и укатили на заработки, мать одну бросили, – она смахнула скупую слезу. – Ну иди же, и так до слез довела!

Покидая ее, я чувствовала себя так, будто уезжаю от старой доброй родственницы, у которой гостила все лето. И вроде пора, а не хочется, ведь впереди школа. Теперь предстоял сложный разговор с главным врачом.

Я долго себя к нему готовила, и все же немного растерялась, когда увидела Кварла перебирающим инструменты в своем кабинете.

– А, это вы, Аннис? – он поднял глаза в круглых очках. – Уже получили расчет?

Я кивнула.

– Нейт Кварл, я хотела поговорить с вами, – и, набрав в легкие воздуха, положила перед лекарем пустой пузырек от лекарства.

Сперва он нахмурился, ничего не понимая, а потом послышалось тихое:

– Это то, о чем я думаю?

– Да, простите меня. Я нарушила ваши предписания и решила дать больным пенициллин. Старый лекарь, которому я раньше помогала, всегда так поступал, и его пациенты выздоравливали. А болезнь, которую перенесли дети, на самом деле не форма краснухи, а скарлатина. Они похожи, но вызваны разными возбудителями.

Я не была уверена, известна ли в этом мире вирусная и бактериальная природа заболеваний. И снова это противное чувство, будто идешь по первому и оттого очень хрупкому льду.

Кварл взял пузырек двумя пальцами и внимательно его осмотрел.

– Я, конечно, сердит на вас, но все заболевшие выжили, и это удивительно, – проговорил он задумчиво. – А я никак не мог набраться смелости опробовать это лекарство, сами знаете, сколько сейчас шарлатанов, которые продают ослиную мочу или соду под видом средства от всех болезней. Все ждал, когда в научных журналах появится больше информации о пенициллине.

– Теперь у вас появился повод самому написать такую статью и отправить в журнал! – воскликнула я. – Понимаю, что у вас, опытного лекаря, не было причин слушать девчонку с улицы, но если бы я не была уверена...

– Так вы утверждаете, что эта болезнь называется скарлатина? – перебил он меня. – Когда я был практикантом, о ней еще не слышали.

– Совершенно верно, – и перечислила типичные симптомы, по которым ее отличали от других похожих заболеваний.

– Ваш наставник, видимо, был умным человеком, – нейт Кварл сел и предложил мне занять соседний стул. – Хотел бы я с ним повидаться.

– К сожалению, он умер, – я скорбно вздохнула. – Но оставил свое наследие и сотни спасенных жизней.

Следующий час мы потратили, беседуя о насущных медицинских делах. Главный лекарь оказался человеком здравомыслящим, он рассудил, что ругать меня не за что. И интересовался, чему еще я научилась, а я ссылаясь на своего выдуманного учителя.

Но нельзя объять необъятное. Это дело не одного дня и даже не месяца.

– Откровенно говоря, я поражен тем, как хорошо вы справились. Даже несмотря на то, что нарушили все мои указания. Некоторые методы вашего наставника я учту... – он выдержал многозначительную паузу. – В том числе и профилактику рахита у детей. Нам говорили, что учиться никогда не поздно, а я человек не гордый и не страдаю болезненным самолюбием. Так, значит, вы серьезно настроены стать настоящим лекарем? Или магом-целителем? А как же личная жизнь, семья, дети?

– Если я захочу устроить свою личную жизнь, то работа мне не мешает. А знаете... я так привыкла к этим одиноким детям, так их полюбила, что мне в голову закралась мысль попозже, как прочно встану на ноги, усыновить кого-то.

– Вижу, вы совсем не знаете законов, – Кварл покачал головой. – Никто не позволит молодой незамужней девушке усыновить ребенка. Опекунство дают только полным семьям или, в крайнем случае, вдовам, вырастившим хотя бы одного своего ребенка.

– Закон считает, что сиротам прозябать в приюте лучше, чем жить с женщиной, которая их любит?

– Законы пишу не я, поэтому ничем не могу вам помочь.

Да, понимаю, что расчувствовалась и начала фантазировать. Мне даже относительно взрослого Лика кормить нечем, я попаданка без определенного места жительства и без стабильного заработка, зато с амбициями. Если сейчас мне в руки дать малыша, что я стану с ним делать? Одной любовью сыт не будешь.

– Пускай у вас все получится, Аннис. Только по-настоящему заинтересованный человек должен лечить людей. Как ни крути, это призвание, – нейт Кварл, поначалу казавшийся законченным циником, улыбнулся.

Мы попрощались на доброй и светлой ноте. Но я не могла уйти просто так, осталось одно незавершенное дело. В палате была лишь Адель, она кивнула и улыбнулась.

– Еще не уехали?

– Нет, зашла повидаться напоследок.

Девочка на крайней кровати неуверенно привстала, держась за поручни. Она ждала, что я, как обычно, возьму ее на руки и буду укачивать. В первый день я не думала, что так сложно будет уехать.

– Все будет хорошо, милая, – проворковала негромко, поглаживая тонкие светлые волосы.

Чудесные дети, и как можно было их бросить? Я не знала, что стало причиной: желание скрыть рождение внебрачного ребенка и избежать осуждения, гибель родителей, тяжелая жизненная ситуация или все вместе. Но была уверена, стань я матерью, зубами бы выгрызала право растить свое дитя.

Я подошла ко всем по очереди: поцеловала, обняла, шепнула несколько ласковых утешительных слов. Малыш Тилл долго смотрел на меня своими серьезными серыми глазами, прежде чем отпустить. Теперь я верила, что нейт Кварл и нейра Бовилл о них позаботятся. А потом, кто знает, как повернется жизнь.

В дверях палаты возник Лик с сумками в руках, возле ног мальчика сидел Уголек.

– Ну что, Аннис, идем? Скоро отбывает почтовая карета.

Я кивнула и бросила прощальный взгляд на место своего боевого крещения. Впереди ждут серьезные испытания, но все-таки хорошо, что и в новой жизни у меня появилась цель.

Глава 12

Дорога заняла почти три дня. Карета неслась во весь опор, делая короткие остановки для смены лошадей, выдачи и погрузки новой почты, во время которых можно было передохнуть и перекусить. Ночью мы спали в придорожных постоянных дворах, кроме отдельных номеров там были специальные комнаты для путешественников попроще, и народ устраивался на матрасах прямо на полу. Лик брезгливо называл их «клоповниками», но за неимением лучшего приходилось терпеть.

На второй день хлынул ливень, воздух сделался сырым и холодным, а дорога превратилась в грязное месиво. Я всерьез испугалась, что кто-то из нас может простыть, но обошлось, к счастью. Если исключить тесноту и жуткую тряску, то были и положительные моменты: пассажиры делились друг с другом новостями, обсуждали сплетни и слухи, из которых я узнала хотя бы имя короля. А также послушала о темных делишках магов, о происках соседних государств, еще выяснила цвет подштанников герцога, которого видели сбегавшим через окно жены королевского егеря. Тоже важная информация.

Сама я не рисковала заводить новых знакомств, избегая любых разговоров, чтобы не выдать своих «странностей». Да и не до этого было, честно говоря. Истек десятидневный срок, и остатки печати вновь проснулись: руку то сводило судорогой, то пропадала чувствительность. Я уже с трудом ею двигала.

«Вам это не понравится...» – вспоминались слова следователя. Вот садисты! Не могли обойтись по-человечески. В чем-то я понимала людей, которые ругали магов.

Лик, как мог, отвлекал меня, а Уголек облегчал боль. Его ни в какую не хотели брать в карету, пришлось, скрипя зубами, оплатить проезд и коту, как если бы он был человеком. Впрочем, заработанного хватило, чтобы не протянуть ноги от голода и не ночевать под открытым небом. И на том спасибо.

Когда мы миновали высокие ворота Флейвинга, любопытный Лик сразу высунул нос в окно и принялся, ахая от удивления, комментировать увиденное. По широкой мостовой двигались повозки, ехали всадники на больших белоснежных лошадях, неслись странного вида кареты с открытым верхом и изящными колесами...

– Смотри, Аннис! Это же магоходы! Самые настоящие! – Лик захлебывался от восторга, тыча в них пальцем и едва не выпадая из окна. – Они ездят только на магии, никаких лошадей! Вот бы и мне покататься.

– Ага, губу лучше закатай, – буркнула хмурая женщина и закуталась в платок.

От самого Фонвилля эта тетушка была главным источником сплетен и бесконечного тархтения. Я обрадовалась, когда она наконец-то замолчала.

Усталые пассажиры оживились, чувствуя окончание долгого пути. Один за другим они покидали карету, ну а нам несказанно повезло, что одной из точек выгрузки почты была Академия магии. Я смотрела, как мимо проносятся величественные здания и уютные дома с черепичной крышей. Рестораны с открытыми верандами поражали своей роскошью, я даже представила, как в одной из них обедаем мы с Ликом.

В тесной трясущейся карете мы миновали белокаменный мост, а внизу, по изумрудной глади реки, в это время катались на лодках состоятельные горожане. Богатство столицы резко контрастировало с захудалыми деревеньками, которые довелось повидать. Мы проезжали полуразрушенную со странным названием Волчий Хвост, где жили одни старики, видели Лисички, Кабаний Лог и Хлюпики. Молодежь рвалась в большие города типа Флейвинга, многие искали лучшей доли.

«Волнуешься?» – спросил Уголек, щуря один глаз.

Он всю дорогу просидел у меня на коленях, и теперь ткань безбожно измятой юбки покрывала кошащая шерсть. Негодник вздумал линять! Впрочем, весь мой внешний вид оставлял желать лучшего.

«Еще спрашиваешь! У меня желудок от страха сводит».

«Я тут подумал... – пушистый пройдоха потянулся. – Что печать не может полностью сдерживать твою магию из-за того, что она рассчитана на жителей только этого мира. Проще говоря, твоя личная магия ей не хочет подчиняться. Тело-то здешнее, а вот дух – совершенно иной».

«Ты всегда знаешь, чем порадовать, – ответила я мысленно и еще сильнее приуныла. – Они как-то смогут это выяснить?»

«Я тебе что, всеведающий? Но если что, приятно было познакомиться», – и хитро усмехнулся.

– Приехали! – раздался звучный выкрик кучера, гул рожка, и Лик подскочил, как мячик.

– Аннис, выходим! Мы на месте!

Собрав скромные пожитки, мы выбрались наружу. Полуденное солнце весело припекало, но вдоль уходящей к массивным кованым воротам аллеи тянулись красные клены, рисуя на земле живительную тень.

Порыв ветра обдал лицо, всколыхнул волосы. Я сложила ладонь козырьком, чтобы наконец-то увидеть ту самую загадочную академию, которая будоражила душу моего маленького спутника. Да и мою тоже.

Первое, что увидела – это бесконечно длинная стена, тянущаяся в обе стороны и опоясывающая комплекс из высоких зданий песочного цвета. Даже не зданий, а настоящих замков, самым высоким из которых был центральный. Его крыша возносилась так высоко, что могла затеряться в облаках. Волей-неволей я ощутила священный трепет, а еще здесь все дышало магией. И что-то внутри откликнулось, заставило развернуть плечи, выпрямить спину и гордо вскинуть голову. Ладонь с печатью кольнуло, и я сжала ее в кулак.

Нельзя раскисать! Я ведь тоже маг, а не побирושка с улицы. Я взяла за руку хлопающего глазами Лика.

– Пошли. Или ты передумал?

– Я?! Да за кого ты меня принимаешь? Я не струсил, нет. Мужчины ничего не боятся! – заявил тот и смело зашагал по аллее.

Что мне нравилось в этом мальчишке – он никогда не унывал и четко знал, чего хочет добиться.

«Далеко пойдет, верно?» – спросила, повернувшись к Угольку.

Но того и след простыл. Куда только умотал? Помечать новую территорию или на воробьев охотиться?

Злясь на нерадивого фамильяра, я отряхнула юбку от шерсти и отправилась вслед за Ликом. У отливающих золотом витых ворот дежурили два рослых стража с алебардами. Я не была сильна в оружии, но оно, кажется, называлось именно так. Воины походили на рыцарей из старинных книг, я смогла разглядеть их лица, только задрал голову.

– Здравствуйтесь, мы в академию, – сказала я как можно вежливей, немного робея перед этими бугаями.

Стражники оглядели нас с ног до головы, на суровых лицах не дрогнул ни один мускул.

– Поклянитесь, что, входя в эти врата, не несете с собой злого умысла, – пробасил один из них.

– Клянемся, – ответили мы хором, как послушные школьники, и створки распахнулись сами по себе!

Так просто?

Словно услышав мой немой вопрос, второй страж скупо улыбнулся.

– Если бы вы солгали, ваши тела охватил бы неугасимый огонь.

Брр! Жуть какая! Да и кто в здравом уме захотел бы причинить зло их академии, когда тут столько магов? Только камикадзе какой-нибудь.

– Уважаемый...

Я чуть не сказала «молодой человек», но вовремя себя одернула, и кратко изложила цель визита. Нас слушали со снисхождением.

– Так не подскажите, куда нам идти?

Глаза разбегались от увиденного, две широких дороги ветвились на тропы и убегали к разным зданиям, по территории сновали люди всех возрастов, в самой разной одежде, на какую только хватало фантазии. Здесь было легко затеряться.

– Сначала вам нужно вот туда, там располагается Комитет по регистрации выявленных магов, – страж указал рукой на изящное строение у фонтана. – Там вам все расскажут.

Отблагодарив добрых молодцев, мы прошли по указанному адресу. Нас встретила необычайно красивая девушка с короткими волосами цвета серебра, в такой же серебристой мантии. Ее непривычно яркие голубые глаза завораживали, как и голос, которым она спросила наши имена.

Крупный браслет на тонком запястье немного выбивался из образа, но я каким-то внутренним чутьем уловила исходящие от него волны магии. Внимательно меня выслушав, магичка села за стол и пригласила подойти, потом взглянула на жалкие остатки моей печати.

– Ох, – качнула головой и нахмурилась. – Надеюсь, ничего страшного.

Девушка протянула руку, и в нее скользнула книга с верхней полки. Все получилось так легко и непринужденно, словно она проделывала это сотни раз в день на протяжении многих лет.

– Приложите ладонь с печатью сюда.

Я коснулась узора на обложке. Книга зашуршала страницами и распахнулась на середине. Магичка ткнула длинным ногтем в одну из строк и кивнула своим мыслям.

– Сведения о вас у нас имеются, Аннис. Но вы должны были прибыть еще два дня назад!

– Так сложились обстоятельства, что нам пришлось задержаться в пути.

– А мальчик? – она перевела взгляд на Лика.

– Я тоже маг, но мой дар открылся только вот-вот, меня еще не успели вписать в такую книжечку, – протараторил Лик, не дав мне вставить ни слова. И заискивающе улыбнулся.

Но на сотрудницу его улыбка не подействовала.

– Ладно, – магичка поднялась с кресла и дала знак идти следом. – Я провожу вас в кабинет нейта Алиуса. Он занимается такими вопросами.

Мы с Ликом переглянулись, и тот подмигнул.

Магичка отвела нас на второй этаж. Все здесь было оформлено в мягких желтых тонах, окна прикрывали тяжелые портьеры, натертый до блеска пол блестел. Мысли в голове путались как нити, а сердце глухо стучало вместе с утекающими секундами. Наконец перед нами распахнулась деревянная дверь, и я увидела того самого нейта Алиуса.

Им оказался недовольный мужчина лет сорока пяти с покрасневшими от жары щеками. Чем-то он напомнил заместителя нашей заведующей – скандального человечка, который вечно ко всем придирался. Черный камзол его был застегнут на все пуговицы, а сканирующий взгляд, которым он окинул нас с Ликом, сразу мне не понравился.

– Сначала пусть войдет мальчишка! – гаркнул маг. – А вы ждите в коридоре.

Сглотнув, Лик начал приближаться к нему маленькими шажочками, и в этот момент дверь захлопнулась прямо у меня перед носом.

Ожидание тянулось бесконечно долго. Я напрягала слух, пытаюсь понять, о чем они разговаривают, но из кабинета не доносилось ни звука. Боже мой, лишь бы этот противный маг

не навредил моему мальчику, лишь бы ему позволили развивать свой дар! Я холодела, когда представляла перед собой Лика со взглядом, полным боли из-за разбитых надежд.

Наконец, дверь распахнулась. Меня не надо было приглашать, я как штык встала на пороге, отважно шагнула внутрь, глядя в глаза нейту Алиусу. Покрутила головой, но Лика нигде не увидела. И лишь вторая дверь в дальнем конце кабинета не позволила хлопнуться в обморок. Наверное, он прошел туда, но почему мне не дают с ним увидеться?

Маг проследил за моим взглядом и холодно произнес:

– Потом встретитесь с мальчишкой. А пока садитесь, – и дернул подбородком в направлении кресла.

Ноги сами понесли к обозначенному месту. Только сев напротив Алиуса, я почувствовала, как голова проясняется, а с мозга словно стекает вязкий морок. Должно быть, он умеет манипулировать чужим сознанием!

– Что с Ликом? Где он?

Маг вздернул бровь и постучал пальцами по столу.

– Только не вздумайте врать, как это делал ваш мальчик. Никакая вы ему не сестра.

Этого еще не хватало! Что такого наговорил Лик? Показалось, будто душа покидает тело и парит под потолком, взирая на меня, растерянную, подавленную, и на властного нейта Алиуса. Как бы я ни настраивала себя и как бы ни храбрилась, в глубине души все равно оставалась маленькой девочкой, которой только предстоит научиться быть сильной.

Во рту стало сухо, и я сглотнула. Маг продолжал сканировать меня взглядом, словно хотел выяснить все тайны, пробраться в черепную коробку и от души там порыться.

– Покажите свою руку, – скомандовал, и я как марионетка подчинилась. Алиус недовольно сжал губы и продолжил: – А теперь, как зовут и откуда вы родом?

– Аннис из... из Енотов! – выпалила первое, что пришло в голову, не успев даже подумать.

Но с другой стороны, есть ведь Лисички и Волчий Хвост?

– Из... Енотов? – медленно переспросил он, будто не поверил ушам.

Кажется, я промахнулась. Наверное, еноты у них тут не водятся. Не знаю, почему именно это пришло в мой охваченный волнением мозг. Присутствие нейта Алиуса давило, как могильная плита, хотелось или спрятаться, или сбежать через окно. Я точно столкнулась с не самым простым магом, что теперь делать?

– Это деревня? Где она находится?

Я несколько раз вдохнула и выдохнула, стараясь привести сердцебиение в норму и хоть немного вырваться из-под чужого влияния.

– Деревня далеко отсюда... на север... или на восток... Простите, господин маг, я не сильна в географии, даже грамоте не обучена.

Он скептически хмыкнул. Наверное, подумал: «Чего взять с этой невежды?»

– Ладно, пусть будет из Енотов.

И ухмылочку такую выдал гаденькую. Словно почувал попаданку, которой можно закусить вместо обеда.

– Вы что же, Аннис из Енотов, колдовать пытались? С ограничивающей печатью? Это вопиющее нарушение правил! Еще и сроки прибытия сорвали. Что предлагаете с вами делать? «Понять и простить. И отпустить».

– Я не нарочно. Дело в том...

Но маг не желал слушать объяснений.

– Видел я таких, кто «не нарочно» сжег конюшню вместе с конюхом и устроил ураган на городской площади. Мне надо проверить, не причинили ли вы кому-нибудь вред, – сказал он строго. – Эти провинциальные следователи совсем не хотят работать, они наложили слишком слабую печать, чем вы и пользовались, дорогуша. Отчего-то память мальчишки не сохранила

никаких воспоминаний о вас, и это очень странно, – он напирал и напирал. – Теперь мне придется исследовать ваши воспоминания. И если я выясню, что вы использовали дар во зло...

Он посмотрел так многообещающе, что у меня сужокожился желудок.

А потом неспешно поднялся с места и стал приближаться.

– А может, не надо? Я не владею огнем, вам нечего бояться. Я ничего плохого не делала, только лечила детей, – тело почуяло опасность, я хотела подскочить, но маг предугадал это желание и сделал короткий взмах.

Меня парализовало, и тело обмякло в кресле.

Ну все, сейчас он прочтет воспоминания и узнает, что я попаданка. Что со мной сделают? Сразу убьют или пустят на опыты? В том, что мое странное переселение воспримут сугубо положительно, я сомневалась.

– Не бойтесь, милочка, это стандартная процедура, – проговорил Алиус обманчиво спокойно, и прохладные пальцы легли на виски. – Пришлось вас обездвигить, чтобы не дергались. Лишние телодвижения только мешают.

В ответ я негодуяще замычала, потому что мышцы языка парализовало тоже. Так бесцеремонно! А как же гуманизм? Защита прав человека?

Я видела, как хмурится лоб мага, как он сжимает веки, а по виску ползет блестящая капля пота. Я чувствовала щекочущее тепло в области затылка, но вскоре мысли закружились так быстро, словно голова превратилась в стиральную машинку. Перед внутренним взором всплывали картины, как я запираю дверь за дверью, и внезапно – полная темнота.

Все это длилось, наверное, пару минут, а потом Алиус ругнулся себе под нос и убрал руки.

– И принес вас Темнейший, Аннис из Енотов! Чувствую, с вами проблем не оберешься, – он извлек из кармана платок и промокнул лоб. – Вы просто на такое не способны!

Да что же он тянет? Что ему удалось выяснить?!

– Почему ваша память выглядит как чистый лист? Этого не может быть!

В ответ я только замычала, а маг продолжал вести монолог возмущенным и даже каким-то растерянным голосом:

– Сколько лет работаю, а с таким первый раз сталкиваюсь. Какая-то девчонка из деревни. Здесь явно что-то нечисто.

Мне хотелось спросить: «Господин хороший, а вы про меня не забыли? Может, разрешите уже двигаться и говорить? Сказать хоть слово в свое оправдание?»

Алиус снова уселся в кресло и отцепил с сюртука брошь с крупным черным камнем, постучал по нему ногтем и через несколько секунд заговорил:

– Нейт Шерриан, прошу вас посетить мой кабинет. Тут есть небольшая проблема с выявленной магичкой.

– Скоро буду. Надеюсь, она того стоит, – ответил приглушенный мужской голос.

Ого! Это волшебное украшение – местный аналог телефона?

Тревога накатила с новой силой. Кого Алиус вызвал на подмогу? Единственное, что могла сейчас делать – это слушать, как он нервно барабанит ногтями по столу и хмурится. Я представила, как бабушка гладит меня по голове и приговаривает: «Все будет хорошо, Анечка».

В коридоре послышались уверенные шаги, и дверь распахнулась. У меня сердце подскочило к горлу от этого звука. Человек приближался со спины, я не могла разглядеть его лица. Вот он обошел меня и остановился напротив нейта Алиуса.

Это был рослый мужчина с подтянутой фигурой, с черными, слегка вьющимися волосами до плеч. Одет он был в такую же темную форму, как и его коллега. Упираясь руками в стол, он склонился над магом.

– И что тут у вас? Вы меня с лекции сорвали, между прочим, – произнес холодно.

– Сами посмотрите, нейт Шерриан.

Алиус вдруг сдулся как воздушный шарик, а тон стал заискивающим. Он бегло выложил все, что было известно обо мне и моей разрушенной печати.

Нейт Шерриан медленно повернулся и, сунув руки в карманы брюк, оглядел меня с головы до ног. Он был гораздо моложе Алиуса, но внутреннее чувство шептало: «Это именно тот, кого следует опасаться».

– Она что, парализована? Опять эти ваши методы, – маг недовольно дернул рукой.

Способность двигаться и говорить вернулась, я вцепилась в подлокотники кресла и сделала жадный вдох. После чужого вторжения голова кружилась, потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Так-то лучше, – усмехнулся он и подошел ко мне вплотную. – Я декан кафедры менталистики, нейт Истен Шерриан. Судя по описанию коллеги, вы весьма интересный экземпляр, Аннис из Енотов.

Блеск янтарных радужек завораживал, как и негромкий вкрадчивый голос. Мелькнула мысль, что чем-то этот маг неуловимо напоминает Уголька. Его глаза сверкали так же, когда кот собирался поохотиться за воробьями или сосисками.

– Я не экземпляр, – пробормотала, отведя взгляд.

Но, стоит отдать должное этому декану, он хотя бы представился. Значит, не все безнадежно.

– Алиус, вы в курсе, что она обладает целительским и ментальным даром?

Неужели ему потребовался лишь взгляд, чтобы это выяснить? Он даже не использовал никаких приспособлений, как тот следователь.

– Я пока не успел это разглядеть.

– Ну да, вы были озабочены другим, понимаю. А стоило бы для начала активировать магический глаз. Ее потоки сильные, правда, несколько хаотичные.

– Она использовала дар, хоть это и было запрещено! Я бы запечатал навечно без всяких разговоров!

То, что они говорили обо мне так, будто меня тут нет, раздражало. Нейт Шерриан небрежно бросил коллеге:

– Вам лишь бы кого-то запечатать.

Нейт Алиус скорчил злобную гримасу, когда тот повернулся к нему спиной. Похоже, у этих двоих не самые теплые отношения.

– Хорошо, сейчас посмотрим, что там с вашей головой, – маг слегка встряхнул руками и размял пальцы.

Я, насупившись, вжалась в спинку кресла.

– Не пугайтесь так, Аннис из Енотов. Одно небольшое исследование, вы даже ничего не почувствуете.

Да-да, знаю я эти уловки. И голос ласковый, кошачий, как у стоматолога, который в детстве уговаривал меня открыть ротик, чтобы «просто посмотреть». А сам обманым маневром выдернул зуб.

Но менталисты умеют внушать, подавляя чужую волю. Неужели и я смогу научиться так же?

Я не могла говорить, язык присох к небу. Не могла сбежать, хотя очень хотелось. Только и оставалось, что смотреть, как пальцы мага тянутся к моему лицу.

Глава 13

Декан действовал аккуратней этого противного Алиуса. Голову окутала легкая прохлада, будто ветерок подул. Пальцы его касались висков, глаза закрылись сами собой. Теперь я пыталась вообще ни о чем не думать: представляла перед собой чистый лист бумаги. А вдруг поможет?

– Хм... интересное явление, – спустя некоторое время нейт Шерриан отстранился и потер подбородок, глядя на меня. – Кажется, мы имеем дело с инстинктивной защитой.

– Что это значит? – спросила я моргнув.

Он сложил руки на груди и присел на стол, загородив возмущенному Алиусу обзор.

– У магии, если так можно выразиться, тоже есть инстинкты. Самый главный – это защита своего носителя. Иногда разум новоявленных менталистов, чаще всего детей, стремится защитить сам себя: мозг замыкает воспоминания и противится вмешательству, это невозможно контролировать. А вот грубо ломать защиту нельзя, маг может тронуться умом. Только постепенное развитие дара поможет снять все блоки.

Вот. Хоть кто-то умеет объяснять доходчиво, недаром лекции читает.

Может, именно из-за этих блоков у меня провалы в памяти? Как вовремя! По крайней мере, сейчас эти маги не смогут понять, что я попаданка. Хотя нейт Шерриан на садиста не похож, и все же...

– Эта девчонка что-то скрывает, помяните мое слово! – Алиус погрозил пальцем, пристав на ноги.

Почему я с первого взгляда так ему не понравилась? Я что, похожа на мафиози?

– И что вы предлагаете? – нетерпеливо спросил коллегу декан. – Мне правда интересно ваше мнение. С удовольствием выслушаю.

Мне показалось, что Шерриан над ним насмехается. Алиус это тоже понимал и злился еще больше.

– Запечатать, и все. И мальчишку тоже. Чтобы проблем не создавали.

Я прокашлялась и, выпрямив спину, оглядела их обоих. Понятно, почему простые люди магов, мягко говоря, недолюбливают. Те слишком много себе позволяют. Вежливость вежливостью, но надо показать, что угрожать мне или Лику и вытирать о нас ноги нельзя.

Если бы Уголек слышал мои мысли, то усмехнулся бы в своей привычной манере. Но кот сбежал, предоставив мне самой разгребать проблемы.

– Я, конечно, все понимаю, но попрошу больше не использовать внушение и прочие манипуляции с разумом против моей воли. Могу поклясться, что никому не причиняла и не собираюсь причинять зла, как и Лик. Если у меня открылся такой дар, я планирую использовать его не ради корысти. Нейт Шерриан, вы еще говорили про целительство.

Я задержала взгляд на декане-менталисте. Он слушал внимательно и казался слегка удивленным.

– Это что, все в Енотах такие наглые? – округлил глаза Алиус.

Он все никак не унимался, прилип как банный лист! Коршуном выглядывал из-за стола, боясь, что возможность поиздеваться над слабым может уплыть из рук.

– И не трогать Лика, – продолжила я серьезно. – Он просто мальчик, ребенок, который мечтает стать настоящим магом. Он смысленный и трудолюбивый, он может принести пользу.

Я говорила искренне, веря в каждое свое слово. Ну не могут же они быть совсем бесщедными? В конце речи я задержала взгляд на нейте Шерриане, спрашивая поддержки.

Но он молчал.

– Сейчас расплачусь! – перездразнил меня Алиус. – Сколько вас было, вот таких наивных глупцов. Дар – это приоритет высокородных, ему обучаются в семье с детства!

– Но если так сложилась судьба, – я пожалала плечами, – каждый достоин шанса, не так ли? Вредный маг фыркнул и махнул рукой.

– Не могу слушать этот вздор! А вы, Шерриан, как-то слишком спокойно ко всему относитесь. И вообще уселись на папку с отчетом, – добавил шепотом.

Мой взгляд метался от одного мужчины к другому, я мысленно сложила ладони и начала умолять: «Давайте, миленький декан, не подведите! Я же вижу, что вы адекватный человек! Вот только выглядите себе на уме, ну и что же?»

Наконец он вздохнул, потер указательным пальцем переносицу и медленно заговорил:

– Целительский и ментальный дар, особенно их сочетание, встречаются реже остальных. Обученные специалисты на вес золота.

Эти слова заставили приободриться, гордо развернуть плечи и бросить победный взгляд на Алиуса. Ну что, съел?

– Не подозревал, что вы так щепетильны. Удивляете, коллега, – не сдержал тот колкости.

– Я кое-что смыслю в целительстве, нейт Шерриан, – вот это я могла сказать уже вполне уверенно. Мне показалось, менталист это почувствовал. – И собираюсь работать. В столице найдутся детские госпитали, где меня примут. И обучаться тоже готова, как и мальчик, что со мной пришел...

– Так-так-так, подождите, – прервал декан и потер виски, будто от меня у него заболела голова. – Вы слишком торопливы. Какой мальчик, какие дети, какой госпиталь? Вы что, пытаетесь применить ко мне внушение?

Янтарные глаза сощурились, а плечи напряглись, и я невольно подалась назад.

– Нет, что вы! Оно само. Я не специально, правда.

Алиус продолжил кудахтать:

– Само, ну конечно! Все вы, женщины, слишком наглые и беспардонные. И та опять кричит, работать не дает спокойно, – маг бросил неодобрительный взгляд в сторону окна.

На улице женский голос кого-то строго отчитывал, в ответ неслась невнятная бубнежка.

– Наверное, у нейры Блайн снова украли конспекты лекций, – усмехнулся нейт Шерриан.

– Ох, боги. Когда эта сумасшедшая женщина уедет в свою глухомань? Академия вздохнет с облегчением.

– Дорогой нейт Алиус, о коллегах говорят, как о покойниках: либо хорошо, либо ничего, – бросил через плечо декан, усмехнувшись уголком рта. Потом снова повернулся ко мне. Внимательно изучил взглядом лицо, думая о чем-то своем.

Хотела бы я знать, что у него в голове.

– Что вы будете со мной делать? – спросила, не выдержав такого напряжения.

– Отпустить на все четыре стороны мы вас не можем, это недопустимо. Заблокировать ваши способности было бы кощунством.

На этих словах Алиус поперхнулся, но Шерриан продолжил спокойно:

– Поэтому, уважаемая... – нахмурился, вспоминая мое имя, – Аннис. Будете следовать моим инструкциям.

– Я буду только рада, если мне расскажут и покажут, что надо делать, – я закинула ногу на ногу, приняв деловой вид.

Нейт Шерриан откашлялся в кулак.

– У вас необычный случай, ваши способности вызывают вопросы, но постепенно мы во всем разберемся. Главное, чтобы сейчас вы не причинили вреда ни себе, ни окружающим.

– А может, сразу к королевским дознавателям? – сощурился Алиус.

Менталист лениво усмехнулся.

– Ну какие дознаватели, коллега? Вы посмотрите на эту девчонку повнимательней. Она же сама себя боится.

Девчонку? Ну-ну. Давненько меня так не называли.

Вообще это звучит так, словно у декана есть на меня свои загадочные планы.

«Во всем разберемся...»

Спасибо, что не в пыточную, хотя скользкий Алиус об этом мечтает! Мне кажется, или у него какие-то комплексы? Моральные травмы? Или социальное расслоение в этом мире настолько сильно, что маги гнобят бедных людей с неблагородным происхождением только из-за того, что им достался дар? Снобы, больше нечего сказать.

– Сначала придется принять ограничительные меры, которые будут слабеть по мере вашего овладения магией. Точность и контроль – это наш девиз, – под раздраженным взглядом Алиуса нейт Шерриан выдернул из чернильницы перо и начал крутить его в пальцах. – Учебная группа на моем факультете уже давно набрана и новых не будет в ближайший год, но у нас проводятся лекции для вольнослушателей два раза в неделю. Их посещают маги из дальних провинций, которые желают повысить свою квалификацию. Касаемо целительства – я побеседую с деканом их факультета, возможно, он подскажет выход. Также можно договориться с кем-то из преподавателей об индивидуальных занятиях, но такие услуги стоят недешево.

– А сколько стоят лекции для вольнослушателей? – осторожно поинтересовалась я.

Надеюсь, успею хоть что-то заработать и не придется продавать последние подштанники.

– Они бесплатны.

Я почувствовала, как с души падает камень, а губы растягиваются в улыбке.

– Но вам придется посетить их все. Магия не терпит небрежности.

Я согласно кивнула и задала волнующий вопрос:

– Скажите, а что будет с Ликерисом?

– Печетесь о нем, как мамочка, – буркнул Алиус.

– Он сирота.

– Я сам поговорю с мальчиком, а потом вы с ним встретитесь, – пообещал менталист. – Если у него есть другие родственники, то понадобится их согласие на то, чтобы устроить вашего друга в магическую школу для сирот. Обычно маги учатся в семьях, но не всем так повезло. Наше королевство заботится о нуждающихся.

Мне захотелось сказать, что нейт Шерриан с высоты своего положения не видит нужд и забот простых людей. Он живет совсем в другом мире. Разве пришло бы ему в голову задуматься, как вынуждены выкручиваться в деревнях матери, которым надо работать? Или посмотреть, как выхаживают детей в бедных провинциальных госпиталях?

Но хотя бы появился шанс, что Ликерису дадут развивать свою магию! Надеюсь, Алиус не успел его слишком запугать или обидеть.

– Могу я присесть? – спросил декан багрового от возмущения коллегу. Тот спорить не стал, нервно поднялся и, схватив какие-то бумаги, направился к выходу. Шерриан плюхнулся в его кресло и закинул ногу на ногу.

Едва за Алиусом захлопнулась дверь, я выдохнула.

– В свое время моему коллеге пришлось решать много проблем, которые доставляли маги с едва открывшимся даром. Из-за этого у него испортился характер, – пояснил менталист. – Ему лишь бы кого-то запечатать или упечь в темницу.

– Нейту Алиусу можно только посочувствовать.

Потому что счастливый и довольный жизнью человек не будет кидаться на каждого прямо с порога.

– Но меня вы можете не бояться и говорить открыто, – декан улыбнулся самой обворожительной из всех улыбок, от которой любая молоденькая девушка сразу потеряла бы голову. Но мне, слава богу, уже не восемнадцать, хоть нейт Шерриан об этом и не знает.

Он беззастенчиво достал из стола Алиуса припрятанную вазу с мармеладом и, подмигнув, спросил:

– Будете?

Ох, Алиус, оказывается, тот еще сладкоежка! Наверное, стресс заедает.

– Что именно вы хотите услышать?

Наверняка он ожидал, что я начну лепетать и смущаться, поэтому мой прохладный прагматичный тон его удивил, и улыбка сошла с лица.

– Все. С самого начала. Когда и при каких обстоятельствах проявился дар, как вы пытались его применять, что из этого вышло. Были ли у вас в роду маги, целители?

– Дело в том, что я мало что помню из своего прошлого, – начала, подбирая слова. – Кажется, память стала подводить меня после того, как я упала и ударила головой. Но хорошо помню, что некоторое время помогала одному старому лекарю, он учил меня разбираться в болезнях и их лечении.

– Избирательная забывчивость? Какой интересный феномен, – нейт Шерриан наморщил лоб, а мне послышалась ирония в его словах. – Но вы продолжайте, продолжайте.

– Самое яркое воспоминание – это когда я увидела тонущего мальчика, того самого Лика. Мне удалось вернуть его к жизни, но не магией, а с помощью самых простых лекарственных приемов.

Те страшные мгновения сразу пронеслись перед глазами. И я рассказала, как деревенские жители вызвали из города следователя, а тот, увидев во мне зачатки дара, наложил печать и отправил в столицу.

– Мой ментальный дар проявился, когда я пыталась успокоить плачущего ребенка. Это было очень странное ощущение, будто в груди зарождается тепло, а потом начинает течь по всему телу.

Я поведала о нескольких случаях, когда у меня получилось применить дар, не забывая добавлять, что вреда я никому не причиняла. Менталист внимательно слушал, время от времени кивал. Надеюсь, он мне верил.

– Еще я встретила говорящего кота.

Нейт Шерриан вмиг перестал казаться невозмутимым, а его глаза, кажется, вспыхнули.

– Кота? И где он?

Я растерялась, не зная, стоит ли выкладывать всю правду про Уголька. Но хвостатый не давал никаких инструкций на такой случай, так что пусть пеняет на себя. Рассудив, что врать слишком много вредно, я призналась, что встретила фамильяра, с которым могу общаться мысленно. И рассказала о своей работе в госпитале Благой Алоры, о том, как Уголек помогал мне контролировать дар.

– А где он сейчас, я не знаю, – пожала плечами. – Он любит гулять сам по себе и воровать сосиски.

Нейт Шерриан усмехнулся.

– Я не прочь посмотреть на этого кота, ведь вы, наверное, знаете, что молодым магам фамильяры просто необходимы?

– Он вроде бы согласен мне помогать. Но я не могу себе позволить заниматься только учебкой, мне нужно подыскать работу, чтобы на что-то жить в столице. Я разбираюсь в лечении детей и без магии.

– Хорошо, – он хлопнул ладонями по столу, уронив какую-то статуэтку.

Бедный Алиус теперь еще сильнее возненавидит и меня, и своего коллегу!

– Вам надо будет написать одну расписку.

– Надеюсь, не кровью? – поинтересовалась я осторожно. А то кто их, этих магов, знает?

– Слезами, – декан усмехнулся. – Ладно, шучу.

Вот же юморист! А я почти поверила.

– И еще... Я не умею писать, – призналась, с сожалением покачав головой.

– Тогда я напишу за вас, а вы просто поставите подпись. И грамоте надо обучиться, как вы собираетесь учебники читать? У вас в деревне что, не было школ?

– Я не знаю. Но буквы учить уже начала.

Да, это не моя вина, но все равно стыдно. Как двоечница у доски, ей богу. Давно я не чувствовала себя так неловко. Одно дело предстать неграмотной девицей перед провинциальным следователем, а другое – перед настоящими академиками. Не хочется, чтобы на меня смотрели, как на человека второго сорта, которому по досадной случайности достался магический дар.

– Ясно, Аннис из Енотов. Скажу сразу, будет очень тяжело, хорошими магами становятся далеко не все. А вам надо начинать с азов.

Ну, уважаемый нейт, вы меня плохо знаете. Я медицинский университет окончила, так что зубрить мне не впервой.

– Сейчас следуйте за мной, – декан поднялся. – По правде говоря, работы с вами море, но моя сегодняшняя лекция все равно безнадежно сорвана.

А я вот даже не знаю, испытывать угрызения совести или радоваться?

Сегодня я впервые увидела магический портал. Даже отпрянула, когда за одной из распахнувшихся дверей возникло слабое голубое мерцание – будто кто-то натянул переливающуюся пленку.

– Всем страшно с непривычки, – произнес нейт Шерриан, стоя у меня за спиной. – Такие переходы есть в каждом здании, это помогает сэкономить время.

Меня не пришлось уговаривать долго. Зажмурившись, я шагнула в портал. Не поминайте лихом, люди добрые!

Показалось, что тело распалось на атомы, а потом схлопнулось обратно. В ушах зашумело, к горлу подкатила тошнота. И когда я распахнула глаза, картинка сменилась. Вдаль уходил широкий светлый коридор, по обе стороны у арочных окон толпились студенты: кто-то непринужденно болтал, кто-то склонился над книгами и конспектами. В воздухе пахло учебой и скорыми экзаменами.

Нейт Шерриан невозмутимо проследовал вперед. Озираясь по сторонам и подмечая мелкие детали, типа старинных портретов или статуй, я чувствовала себя героиней сказки о школе волшебников, которую читала в детстве. Тогда мы с подругами играли, нахлобучив шляпы и выстругав палочки. Не знаю почему, но мне всегда доставалась роль главного злодея!

Мы шагали по коридору. По пути встречались степенные маги, они обменивались кивками с нейтом Шеррианом и настороженно косились на меня. Студенты или, как тут говорили, адепты, держались стайками, прижимая к груди книжки и сумки. Две девушки над чем-то весело смеялись, у кого-то над головой кружил смешной комочек розового цвета. Невольно я поддалась воспоминаниям о своих студенческих годах – сложное, но и самое лучшее время. Тогда и бабушка была жива, и мы с подругами не успели разъехаться кто куда и зажить своей жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.